

# ЧЕЛОВЕК ЗАКАТА

БЕРЕГИНЯ ФОРЕСТ

ИСТОРИЯ О ЧЕСТИ  
И ДОСТОИНСТВЕ.  
РОЖДАЛАСЬ  
НА НОЧНЫХ УЛИЦАХ...

18+

# Берегиня Форест

## Человек заката

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=53410459](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53410459)*

*SelfPub; 2021*

*ISBN 978-5-532-99142-2*

### **Аннотация**

Она нежная и ранимая. Не может без любви, теряет себя, растворяется в темноте холодного Питера. Он – загадка для многих – нелюдим, одинок, хмур и молчалив. Но он знает, как быть счастливым! У каждого свое представление о желаемом и возможном. Может ли что-либо изменить их встреча? Пока жизнь сдает двоим карты, где-то далеко живет малыш. Ему ничего не известно о мире, и потому – возможно все! Книга о мужчинах, их принципах, о смелости следовать своему пути до конца. Это философский, экзистенциальный роман. История является второй книгой трилогии: "БАЙОНА", "ЧЕЛОВЕК ЗАКАТА", "Я НЕ ТАК ДАЛЕКО".

# Содержание

Глава 1. Он и она	4
Глава 2. Кокаин	24
Глава 3. Колдун и Бывалый	35
Глава 4. Мечты сбываются	55
Глава 5. Друг детства	69
Глава 6. Его океан	83
Глава 7. Роут 98	94
Конец ознакомительного фрагмента.	128

# Берегиня Форест

## Человек заката

### Глава 1. Он и она

Идет дождь. Давно. С самого 1703 года. Постепенно светает. Он курит под каменной аркой старого дома. Сигарета не доставляет никакого удовольствия. Курит так, по привычке. На набережной Невы тускло светятся забытые фонари.

Рассвет застает его на улице. Байкер недовольно морщится и спрашивает себя, какого черта он забыл здесь. Ник не видел дня несколько лет. Он открывал глаза, когда солнце закрывало свои. У горизонта оставляло оно напоминание о себе – утхающими проблесками заката. Высокие густые сумерки поднимались к звездам, и Ник неизменно выезжал за порог «берлоги», в свой мир – мир, лишенный солнца, но не лишенный света. Да, давно он не видел дня – восемнадцать лет. Ночью все проще, понятней. Он привык.

День паскудно высвечивает неоспоримые факты. Ник не желает о них думать, но мысли сами лезут в голову. Необходимо переключить внимание на самое важное и лучшее. Ник заботливо оглядывает мотоцикл. В душу байкера вливается спокойствие. Лицо немного светлеет. Так смотрят на близких, дорогих сердцу людей. Бывалый в ответ блестит хромом

с молчаливым недоумением. Ему тоже непонятно, зачем они здесь.

«Скоро поедем», – мысленно обещает ему Ник и выдыхает, выпуская сигаретный дым. Спать не хочется. Надо занять себя чем-либо. Из-под арки видна часть улицы. Уверенный спокойный взгляд блуждает вдоль набережной. Ник без особого оптимизма соображает, куда бы податься. В эту раннюю пору «мишеней» для вылазки не находится. Когда в жизни не порядок, нужно срочно чем-то занять руки. Это неписанный закон Ника. А чем конкретно – «рогами» Бывалого, инструментами, дракой, выпивкой или мягким женским телом – дело конкретного стечения обстоятельств.

Любимый бар закрыт. Славное местечко! Ближе к ночи потянутся туда мотовладельцы всех мастей. У кого-то мотоцикл – стиль жизни, у кого-то – хобби. Кто-то из них – байкеры, а кто-то – райдеры, мотоциклисты. В Route 98 приезжают разные люди: и клубные идейные, и злостные бродяги-одиночки, и просто вольные ездоки – любители свободы, ветра, дорог, и молодая безбашенная поросль уличных гонщиков.

Свои в Route 98, как правило, подкатывают на тяжелых дорожных мотоциклах, круизерах, турерах. Нику по душе именно такие. Никакого пластика, спортивных форм и маломерных объемов. Много хрома и кожи. Мощь и красота механизма в сотни лошадей. Именно этих мотоциклов много у поколения «за сорок» и у клубных. А те, кто помоложе,

выбирают в основном спортивные модели – воплощение новейших разработок, скорости и самой печальной статистики дорожно-транспортных происшествий.

Как водится, в местах скопления мотоциклов обретаются «скамейкеры» – по тем или иным причинам потерявшие свой мот либо никогда такового не имевшие, поклонники мотокультуры, а также просто любители потусоваться в байкерской атмосфере.

У Ската в баре всегда много народу. Общие интерес и любовь к мотоциклам сводят вместе разных людей. Под бесмертные мотивы рока они проводят время за разговорами по теме, за выпивкой, трепом и съемом девок. Они просто получают удовольствие или желают отгородиться от проблем и жизненных неурядиц, просаживают заработанные денежки, отдыхают после скоростных прохватов либо настраиваются на выезд.

Ник затягивается сигаретой и стряхивает пепел как можно дальше от Бывалого. Мастерская непривычно пуста. Он вчера отдал крайний заказ – чоппер на базе американского круизера Honda Shadow VT 750. По-прежнему много желающих перекроить мотоциклы под себя, побаловать двухколесных братьев новыми индивидуальными «приблудами» либо получить абсолютно неповторимую самоделку из рук Ника. На каждый аппарат требуются недели и даже месяцы. Подобные траты в его ситуации стали непозволительными.

До ночи, в которую можно с удовольствием опять уйти,

еще далеко. Неожиданно Ник закашлялся. Боль пришла внезапно, разлилась внутри и сцепила крепким хватом. Дыхание перехватило. Пора привыкать. Ник пережидает приступ и продолжает курить. Ему неловко оттого, что Бывалый становится свидетелем. Он вешает шлем на зеркало заднего вида и покидает мот.

Надо бы поспать, совсем немного восстановиться. Но Ник знает: сегодня не заснет. Слоняться без дела он не умеет, а дела-то, оказывается, на сегодня никакого нет.

Становится неуютно. Байкер хмурится. Краски наступающего дня смущают, слишком навязчиво бросаются в глаза, отвлекают. Нестройные мысли обрываются, скользят и путаются. Чего он ждет? Надо ехать.

Ник понимает необходимость действовать, но с места не двигается. Скоро город будет полон людей, а пока можно еще постоять немного. Что-то сродни ленивому безразличию внутри и обманчиво-спокойной пустоте улицы удерживает время.

Докурив, Ник смотрит, как крупные капли дождя барабаният по лужам. Мимо проходит седовласая сухонькая старушка. При виде здорового мужика в цепях и коже она боязливо прижимает сумочку к груди и старательно прибавляет шаг.

Из ближайшей кондитерской доносятся волнующие запахи свежей выпечки и шоколада. Пахнет чем-то давно забытым, наверное, счастливым детством. Рука опускается на

руль. Сквозь перчатку в ладонь перебирается приятное ощущение. Становится спокойней. Ник и Бывалый – одно целое. Бывалый – это друг, которого вполне хватало. Всегда.

«Скоро поедем», – мысленно повторяет Ник свое обещание, предлагая подождать еще. Бывалый ждет. Ник выходит под дождь и шагает к реке через дорогу.

Длинные, слегка волнистые волосы цвета воронова крыла, и без того влажные, быстро намокают. На щетине крутых скул и в густых бровях, хмуро сведенных у переносицы, скапливаются холодные капли дождя. Он не обращает внимания.

Звонок телефона останавливает его перед набережной Невы.

– Здорово, братан! Не спишь? – интересуется кто-то.

– В моей семье братьев нет, – недовольно замечает Ник. Низкий сильный голос соответствует плотно сложенной высокой фигуре.

– Не ершись. Лучше подумай, сколько денег принесет тебе бой!

– Нет! – слышит кто-то резкий ответ.

– Не спеши резко соскакивать, – настаивает звонящий, – большой человек поставил на тебя и хочет получить свое.

– Я завязал! В последний раз тебе говорю, – Ник чеканит слова. В голосе звучит угроза.

– Ты не такой крутой, как думаешь, – возражает ему голос, – не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. Тебя пре-

дупредили!

– Пошел ты нах..! – Ник обрывает разговор стандартным набором слов, более понятных мужской натуре, и недовольно засовывает телефон в карман.

Мимо проходят две женщины средних лет, с любопытством разглядывая Ника.

– Кто? Кто? Кто этот красавец?! – восторженно шепчет одна, останавливаясь и осматривая байкера.

Ее спутница отрывает взгляд от земли. Старательно обходя лужи в дешевых демисезонных сапогах, оборачивается. Она умело разбирается в людях, умнее своей подруги, вот только счастья от этого факта ничуть не больше.

Байкер обладает тем набором внешних признаков, которые так действуют на нервы добропорядочным жителям города. Опытный женский взгляд быстро скользит по бунтарской растительности на голове, волевому серьезному лицу, жилету дубленой кожи и куртке-«косухе», тертым джинсам, украшенным цепями, высоким сапогам-«байкерсам» с металлическими заклепками и набойками на носках.

Дальше в зоне внимания оказывается мотоцикл. Бывалый так же быстро оценивается как безусловно дорогой, доступный далеко не каждому. Оба в черном и серебре. Оба дышат потаенной силой. Невнятная угроза ощущается даже при всей отстраненности объектов изучения. А байкеру до них никакого дела. Даже не посмотрел.

Женщина нехотя отводит взгляд, возвращаясь к бесхит-

ростному лицу подружки, давно потерявшему очарование молодости. Разница критична. Точит внезапное осознание нестыковки двух реальностей. От байкера веет дикой силой, свободой, неповиновением. А их с подружкой жизненный уклад лет сорок уже запрограммирован на понурое существование в подчиненности обстоятельствам, начальству на работе, семье. Почти классовая вражда начинает шевелиться внутри, но природа берет свое.

– Видный мужчина, – соглашается она, стараясь, чтобы сказанное было услышано. – Заметила, какая фигура?!

Первая мечтательно проводит перчаткой по волосам на виске, дальше по цветастому шарфику на шее – жест врожденного женского кокетства. Лицо загорается румянцем. На губах играет восхищенная улыбка.

– Таких в реслинге показывают, – нараспев произносит она. – Они там красуются крепкими мускулами и молотят друг друга. До чего привлека-а-ательные!

Ник краем уха засекает женский разговор. Реслинг... Разве ж там бьют? Просто постановочный бой с качками-актерами. Вот в «клетке» дела обстоят по-иному. Люди пробуют самих себя и жизнь на прочность. Впрочем, каждому свое.

– А ведь ты права, может, он – один из них? – улыбается прохожая. – А скорее всего, бандит какой-нибудь, – добавляет неожиданно.

– Слушай, давай подойдем и познакомимся! – предлагает другая, не слушая подружку. Вид взвинченный, в глазах –

озорство. Она ждет ответа, осознавая обреченность затеи. Никогда-никогда не решится она подойти к подобному мужчине. Проклятое домашнее воспитание!

Подруга ехидно улыбается и тянет за рукав. Та упирается. Они стоят поодаль и толкают друг друга локтями.

– Не сходи с ума! – едко кривится женщина, силой увлекая за собой размечтавшуюся подругу. – Он на таких, как мы с тобой, не посмотрит. И потом, что ты ему скажешь? «Привет»? Может быть, «прокатите меня до первой подворотни, потому что дома у меня свекровь, дети и муж-неудачник»? Пошли уже!

– Дура! – обижается женщина, виновато моргая. Бросив на спутницу взгляд, полный немого укора, она прибавляет шагу, пряча лицо.

– Бежим! Наш троллейбус, – дергает ее за локоть подруга. Забыв про байкера, они бегут к остановке, перескакивая через лужи.

На востоке тонкая полоска неба очищается от туч. Встает солнце. Ник отвлекается от бессмысленного созерцания реки. Он переводит взгляд на небо и быстро отворачивается. Не желает видеть бледные проблески нарождающихся солнечных лучей, пусть и довольно редкие здесь в осенне-зимний период. Взгляд скользит мимо одинокой худой фигурки, стоящей у парапета. Рука машинально нащупывает в кармане скомканный листок с заключением врачей. Он поспешно швыряет бумагу в Неву.

Дождь меняет интенсивность, барабана по мутной воде с удвоенной силой. Ник возвращается к мотоциклу и рывком надевает шлем. Бывалый дрожит переливами света на спицах. Он тонко ловит настроение, готов быстрее увезти Ника отсюда. Убирая подножку, Ник седлает не успевший остыть Harley. Оба понимают, что хотят домой.

Ночью Ник катал один. Несколько раз по полному баку, серая лента трассы то вперед, то в сторону, и огни большого города вдаль. Ночью он брал от жизни главное. Еще остается привкус ветра на губах. Голод скорости ненадолго утолен.

Байкер матерится себе под нос, сбрасывая нервное напряжение, поворачивает ключ в замке зажигания, машинально топает ногой по мокрой мостовой. Один удар есть, значит второго не будет. Заводится и плавно выкруливает из-под арки, быстро набирая обороты.

Его перспективы мрачны. Страх и сожаления нет. Досада. Да, именно досада от необходимости подчиниться обстоятельствам тяготит больше всего. Не умеет он подчиняться. Ник играет скулами. Опять вернулись, неуверенно застыли на месте мысли об отце и далекой стране. Желание исполнить давно задуманное неуклонно усиливается. Успеть бы! Время приобретает буквально материальный облик и наваливается со всей тяжестью.

Вместе с переключением передачи Ник переключается на преступно забытый ящик коньяка. Презентованный одним

из ошалевших от счастья заказчиков, коньяк ждал его очень кстати. Необходимый вектор задан. Дальше пошло лавирование меж стоящими в пробках рядами машин.

\* \* \*

Ночью заснуть не удастся. Стоит тусклому рассвету залить окно, девушка вскакивает с постели, судорожно одевается и тихо уходит в город, стараясь не скрипеть разошедшимися половицами. Соседи по коммуналке спят. Спят даже те, кому вставать рано и ехать далеко. Она не знает их имен. Не имя определяет человека.

Питер предлагает полюбоваться им. Девушка старается не смотреть на величественную историческую архитектуру, современные облагороженные фасады, рекламные вывески и щиты, стильные витрины и многочисленные дорогие автомобили. Она проходит улицу и спешит затеряться во дворах. Провожая ночь, долго блукает по спящим задворкам. Нарочно выбирает неказистые виды – под внутреннее душевное состояние.

Подгнивают остатки жухлой листвы, сносимые сквозняками в кучки. Щели на домах, потрескавшихся от времени и дрянной погоды, извилисто убегают вверх. Неприметные стены узких темных переходов полосатятся следами стекающей дождевой воды. Жестяные склоны крыш сбрасывают крупные капли на подвальные козырьки. Голые ветви деревьев мокро топорщатся едва приметными почками. Мрачность, серость, сырость. Старый Питер – неисчерпае-

мая «кормушка» для поэтов, философов, любителей депрессивного настроения, психов и самоубийц.

Дух прошлого услужливо вторит разрухе в душе. Аналогичной особенностью обладают старые книги, дарящие щемяще-приятные ощущения от возможности наблюдения за судьбами людей. В книгах герои вынуждены по воле фантазии авторов нести бремя бродяжничества, беспризорности, бедности и беспросветного искания лучшей доли в классически-туманном Лондоне. В жизни каждый блуждает в своей ловушке из иллюзий и страхов. У нее иллюзий не осталось. Девушка облегченно вздыхает, почти довольна нарастающим оцепенением чувств.

Она одна в большом городе. Никому ничего не должна. Никого не ждет. Ни к чему не стремится. Ее одиночество разделяет лишь музыка. Но заряд батарейки в плеере исчерпан, любимая подборка рока умолкает. Вот теперь точно одна!

Почти совсем развиднелось. Спускается дождь. Она задирает голову. Мелкие капли вихряются в воздушном потоке, летят в лицо. Она жмурится и вздыхает, становится легче. Девушка благодарна дождю. Вспоминаются прожитые годы. Не все, конечно, а самые знаковые и яркие. Отродясь не думала она оказаться в неуютном сыром мире, который выбрала сама в надежде подменить новыми заботами старую необходимость существовать дальше.

Меж тем город просыпается, с каждой минутой шума и

движения больше. Прохожие заглядываются на печальное лицо с тонкими чертами и глазами, непривычно одухотворенными силой страдания. Девушка не видит никого, шагает вперед. Ей неважно, куда, лишь бы идти, двигаться. Троллейбусные провода тянутся вдоль и поперек улиц. Их сетка набрасывает силки на окружающее пространство. «Вот оно – твое место, – говорит сердце. – Довольствуйся».

Изменчивое небо отгорожено. Границы передвижений определены. Устав от долгого внутреннего монолога, она и сейчас старается пресечь поток осаждающих ее эмоций. Выходит к реке, прислоняется к чугунной ограде набережной и отчужденно смотрит на течение. Лицо стынет, нос краснеет. Спокойно. Холодно. По-зимнему тоскливо.

По другую сторону реки в ряд выстроились монументально-величественные памятники знаменитой питерской архитектуры. Новый день раскрашивает фасады благородной старины. Здания кажутся нереальными, напечатанными на качественном картоне конфетной коробки.

Подходит здоровенный байкер. Лица не видно. Профиль скрыт за длинными черными волосами. Он резко бросает что-то в реку, разворачивается и уходит. Байкеров в Питере много. Этот факт берedit незаживающую рану постоянным напоминанием. Девушка тяжело переводит дыхание, тоже хочет уйти, но остается на месте и вглядывается в течение.

Серая, мутноватая, отчужденная, бежит Нева к новым бе-

регам, к широким горизонтам. А разве сейчас можно сказать, что впереди ждут ее прекрасные морские просторы? Вон она жалобно плещется вниз о гранитные стены, не в силах выбросить плавающий по поверхности мусор – след человеческой безответственности. Девушка дрожит и до крови кусает губы.

Переезд ничего не изменил. Она сдаётся, признает несостоятельность попыток справиться со своими проблемами, по-прежнему сожалеет об упущенных возможностях, ругает себя за трусость, упрекает в пагубной нерешительности. Единственное новое событие – она перестала себя жалеть. В ней почти ничего не осталось от жизнерадостной, чувственной, впечатлительной красавицы с обворожительной улыбкой и детской непосредственностью. Девушка осунулась, сильно похудела и замкнулась в себе.

Вчера примерно на этом месте наблюдала она двоих стариков. Оба одеты в потертые драповые пальто. На обоих вязанные вручную потрепанные шерстяные шарфы и шапочки. Старушка дотолкала коляску со своим супругом, и они остановились неподалеку, рассматривая, как и она сегодня, мутное течение.

«Хорошие такие старички, – подумалось ей. – Вместе доживают век. Гуляют вон. Без умиления и не посмотришь».

Девушке нравилось наблюдать пожилые пары. Их единодушный консерватизм в одежде, морщинистые улыбки, одинаково посеребрённые волосы, спокойные жесты, то, как они

говорят и смотрят друг на друга. Столько лет вместе – это многое значит! Она подошла ближе.

– Поехали домой, старая кошелка! Доконать меня решила своими идиотскими прогулками? – брюзгливо заворчал дедок мечтательного вида.

– Ладно, возвращаемся. Только замолчи, не доставай хоть здесь! – произнесла милая старушка злым желчным голосом.

– Приступ начинается. Даже не знаю, от чего именно – от мерзкого климата или твоих идей. Или ты стараешься, чтоб я быстрее сдох?

– Как я тебя ненавижу! – отозвалась его супруга.

– Это пройдет. Мы же не бессмертные, – заметил старик и закашлялся.

Долго еще брюзжала старушка, роясь в сумочке, а ее старый муж размахивал баллончиком спазмолитика и безбожно матерился. Дальше они мелочно ругались, припоминая недостатки друг друга, вспоминали старые обиды.

Дисгармония в семейных отношениях – совершенно обычное дело. Варьируется лишь степень взаимного раздражения. Но девушке то откуда это знать? От подслушанного разговора взяла оторопь. Затем неожиданно разобрало на смех. Воскресли воспоминания о Байоне. Смех перерос в слезы. Она сникла, безвольно опускаясь на каменную набережную, прижалась лопатками к ограде и беззвучно зарыдала, закрыв лицо руками.

Мир без Таро слишком громаден и ошеломляюще пуст...

Пока она плакала, поток прохожих с холодным безразличием скользил мимо. Толпа враждебна личности. Личность растворяется в ней, перестает мыслить и действовать по-своему. Прекрасный случай заполнить готовой программой душевное одиночество, замаскировать, подменить жизнь на существование. Но девушка даже с уличной толпой слиться не в состоянии.

Вспоминая отступают. Она сама не замечает, как слезы текут по щекам. Сгорбившись у парапета, девушка закрывает лицо ладошками.

– Вам плохо? – какой-то прохожий в грязно-желтом плаще останавливается, чтобы взглянуть на нее из-под очков с толстыми линзами.

Девушка отнимает руки от заплаканного, перепачканного тушью лица. Капли дождя текут по щекам.

– Мне очень хорошо! – несколько с вызовом заявляет она, а взгляд изображает отчаяние.

– Вредно сидеть на земле. Холодно, – смущенно мямлит прохожий и спешит уйти.

Под налетевшими порывами ветра и дождем чуть отпускает. Постепенно она успокаивается. Престранная мысль заползает в голову в ответ на неожиданный и ясный вопрос: почему у нее все так мерзко складывается? Может статья, она неверно понимает действительность?

Везет же другим женщинам! Умудряются же они в молодом возрасте найти себе партнера по душе, выйти замуж, об-

завестись потомством, домашней живностью, кругом общения и прочими атрибутами наполненной жизни. И отлаженная машина где быстрее, где медленнее едет по рельсам из года в год. *Каким образом* они это делают? В ответ накатывает пустота, немая и тихая, как огромное лесное озеро.

Замкнутый круг. Вчера шел дождь. И позавчера. И неделю назад. Идет он и сегодня. Моросит противно и пакостно. Мелкий, колкий, холодный. Несколько чаек застывают на темном граните каменных изваяний. По реке плывут обрывки газет, окурки, пластик и яркие опавшие листья. Липы за спиной стоят облетевшие, редкие листочки могут удержаться под напором ледяных ветров. Дождь заметно усиливается. Пахнет мокрой листвой. Девушка любит увядание природы. Осень учит умирать красиво.

Одежда начинает промокать. Ноги давно промокли и подмерзают. Посиневшие губы и серый цвет лица придают ей нездоровый вид. Пора уходить, возвращаться под крышу одинокой бедной комнатенки в коммуналке. Девушка морщится, вспоминая тусклые стены, перепачканные несколькими слоями старой побелки. Они, эти стены, никогда никого не ждали, принимали и провожали временных постояльцев с одинаковым брезгливым безразличием спившейся престарелой проститутки.

Девушка сутулит плечи, окидывает взглядом ближайшие коробки домов, безлюдные тротуары и мокрую набережную реки. Город не видит ее, смотрит мимо. Она понимает его

отрешенность, молчаливо и податливо подчиняясь.

У нас вошло в привычку ругать Москву и хвалить Питер. Наверное, в этом есть доля истины, раз так повелось. Питер умеет влюбить в себя и мстить с хладнокровностью столичного ловеласа, умеет давать атмосферу и взимает плату за расцветающие в ней иллюзии неопытных, умеет молчать, тем самым превращая жалобный шепот сердца в крик. Он умеет быть невероятно прекрасным в своей правоте.

Услышав мерный рокот мотоцикла на низких оборотах за спиной, девушка вздрагивает. Наверное, тот байкер, что швырял мусор в реку. Мотоцикл проезжает очень близко, даже слишком. С недавних пор она может отличить от других этот раскатистый утробный неповторимый звук. Он присущ только одной в мире марке – Harley Davidson. Запатентованный метод построения V-Twin-овского двигателя никто до сих пор не повторил.

Затылок холодеет, волна дрожи пробегает по телу. Рокот «Харлея» разрывает тонкую паутину блуждающих по кругу мыслей. Больно хлещет, освежив в памяти неизгладимые минувшие события бурного испанского лета, а затем безжалостно возвращает в российскую осень. Мотоцикл удаляется. Девушка дрожит, ежится и глотает слюну. Обернувшись, она уходит под арку, спотыкается на выщербленном асфальте. Дальше ей – пробуждающимися дворами и замусоренными переулками.

Во дворах прогреваются автомобили, чадя выхлопными

трубами. За гаражами под самодельным навесом ворочаются бомжи. Впереди темнеет стиснутая слепыми стенами подворотня. Толпа неопрятного вида мужчин идет навстречу, по всему видно – узбеки-гастарбайтеры. Их краткая характеристика: скрытные, работающие, озабоченные. Их около десятка. Все впились в нее испытывающими взглядами. Руки в карманы, идут тяжелой поступью, перекрывая собой проход по всей ширине. Глухой стук ботинок посекундно наращивает напряжение.

Лицо девушки выражает неподвижную безучастность. Она продолжает движение. Мутное колебание во взглядах гастарбайтеров – и ее пропускают, обтекая резкими поворотами. Она проходит мимо узбеков тенью. Тень ни задеть, ни прикоснуться. Смешки и посвист несутся в спину. Девушка не боится узбеков, у ее страхов другие имена.

Прижиться в Питере не удастся. Условности делового общения, общепринятые нормы, прописной порядок действий и прочие атрибуты организованного социума после глотка испанской свободы вытерпеть, конечно, можно, а смысл? Понимая всю ненужность затеи, спустя десять дней она бросает новую работу в крупной компании, ставит точку в карьере юриста, забивается в угол и не желает больше искать свое место среди людей.

Отсутствие нормального человеческого общения и резкий уход в себя сказываются деструктивно. Без конкретной цели бродит девушка по городу, убивая время день за днем,

ночь за ночью. Спустя несколько месяцев пропасть отчаянья затягивается тонким слоем выстраданного. Она чаще балансирует на грани тоски и безразличия. Но призраки прошлого неуклонно поднимают головы, в немом укорере смотрят пустыми глазницами в сердце. За ними приходят совсем нехорошие мысли.

«Все всегда начинается с надежды, надежды на лучшее. Главное – не доживать до мига расплаты, до той капли горечи, которая всегда таится на дне», – думает девушка, зябко шевеля замерзшими пальцами в мокрых кожаных перчатках.

Мысль звучит подленько, малодушно. А если додумать дальше, то призывно. Она крепко задумывается и сильнее дрожит от сырого холода улиц. Ноги ооченели совсем. Чтобы согреться, приходится прибавить шагу и бежать, без разбору сворачивая в стороны.

Внезапно девушка останавливается. Очередной узкий переулок завершается тупиком. На кирпичной стене скользкая плесень. Воняет отбросами и мочой. Черный и рябой коты дерутся на крышке мусорного бака. Истошный крик подкрепляется быстрыми ударами когтистых лап. Черный поскользывается и летит на землю, прямиком в лужу. Глаза злые, недовольные. Рябой остается наверху, переминается с лапы на лапу, победоносно трясет хвостом.

Обессилен от ноющей в сердце боли, полуголодного образа жизни и холода, девушка тяжело прислоняется к скользкой стене. Организм встревожен, требует тепла и еды. Он

заботится о самосохранении, она – нет. Организм пытается запустить механизм выживания вхолостую. Она устала, загоняла себя. На худеньких плечах слишком тяжелый груз – потеря любимого и смерть его соперника. Девушка мается, тихо погибает, не может простить себя ни за то, ни за другое.

«Перестань себя истязать, – осторожно шепчет разум. – Научись жить без чувств и стань сильной».

Девушка не прислушивается. Не хочет. Она осознала и переосмыслила ушедшие события, обвинила себя во всех бедах и признала виновной. Искренне уверенная в том, что изменить ничего невозможно, она изобрела свою Голгофу и не собирается с нее спускаться.

## Глава 2. Кокаин

Малыш обрывает глянцевые листочки и любитесь каплями утренней росы. Плотные темно-зеленые он сразу складывает в небольшую тростниковую корзинку, прилаженную за спиной, а недавно выросшие нежно-зеленые с желтыми прожилками рассматривает, поворачивая так, чтобы в бусинках воды отражался теплый отсвет восходящего солнца.

– Работай, el hijo del perro<sup>1</sup> – слышится за спиной.

Мощный толчок – и колючки впиваются в колени. Чаго падает. Собранные листья сыплются из корзинки на вихрастую голову.

Вот ведь вредный гад! И не лень ему высматривать, чем именно занимается Чаго, полностью скрывааемый кронами растений. Он сводит брови на переносице, сверкает большими огненно-чёрными глазами и грозит обидчику вслед маленьким грязным кулачком, но охранник с автоматом уже далеко. Его потная протертая на локтях рубашка мелькает в конце ряда.

Малыш поднимается, надувая пухлые губки, поджимает подбородок. Провожая охранника взглядом, он потирает колени, затем озирается. Хорошо виден только нижний склон. Боковые кусты не дают разглядеть остального. Чаго

---

<sup>1</sup> Собачий сын (исп) .

почти шесть, он небольшого роста, смуглый, круглолицый, темноволосый и не в меру любопытный – настоящий сын своей земли, он мог бы запросто затеряться среди бесконечных насаждений. Множество гектаров природного многообразия вытеснено запрещенной монокультурой. Плантация простирается по низкохолмистой местности, окруженной лесом. Другие рабочие – мужчины и женщины – давно ушли вперед. Монотонный сбор листьев продолжится до заката. Солнце начинает припекать. Ленивые потоки ветра струятся с востока. Они слишком слабы, чтобы разогнать нарастающую жару.

Ветер пригнал белые облака. Низко-низко плывут они, касаясь вершин далеких изумрудных холмов. Чаго отвлекается от работы и наблюдает. Облака светятся изнутри солнечными переливами, клубятся светотенью, цепляются за холмы лохматыми кусками.

– Стать бы облаком... и уле-тее-ть... отсюда! – вздыхает малыш.

– Отсюда, парень, разве что на небо улететь можно, – смеется проходящий мимо работник, унося вниз к тракторной тележке два плотно набитых листво́й мешка.

Чаго задирает голову и смотрит в небо, морщится. Яркий небосвод слепит глаза. В вышине парят большие птицы. Распластав крылья, чертят невидимые круги. Вот одна из птиц зависает в воздухе недвижимой точкой. Чаго восхищен изумительной неподвижностью пернатого охотника и свистит

ему что есть мочи. В ответ доносится печальный клич.

Чаго зевает и рассеянно принимается за работу. Он и здесь, и далеко одновременно. Мысли гуляют вместе с ветром. Чаго любит ветер. Тот приносит запахи леса и растворяет палящий кожу зной. Когда полуденный солнцепек становится вовсе невыносимым, малыш просит ветер дуть сильнее. Он убежден – ветер услышит, если правильно попросить. Раньше ветер чаще выполнял просьбы. Ведь он слышал Чаго, когда тот подпрыгивал, размахивал руками и громко звал его. Но потом малышу крепко досталось от охранника. Ритуал Чаго изменился. Теперь он просит ветер шепотом, подбрасывая несколько самых красивых и молодых листиков вверх, и, увы, редко бывает услышан.

– Эй, будешь?

От внезапного окрика Чаго вздрагивает, на всякий случай вытягивает голову в плечи и опасно оборачивается.

В соседнем ряду стоит старик и протягивает ему небольшую фляжку. Чаго неуверенно тянется к фляжке и нюхает горлышко. Старик усмехается. Малыш делает глоток. Во фляжке вода. Даже вкуснее, чем у Чаго. Приятная влага увлажняет саднящее горло.

– Никогда не пей больше глотка, – старик нетерпеливо вырывает фляжку из рук и прячет под одеждой.

– Почему? – спрашивает Чаго. Вода течет по подбородку малыша, он утирается тыльной стороной ладони.

– Потому что это – мое! – резонно заявляет старик и ухо-

дит с набитым листьями мешком вниз к тележке.

Чаго облизывает губы и молча разглядывает лохмотья уходящего. Неряшливого вида, на плантации он появился недавно, все свободное время болтал и тихонько посмеивался да зачем-то подмигивал именно ему, Чаго, весьма заговорщически. Поначалу малыш решил, что старик ненормальный и держаться от него нужно подальше. Обычно стариков не брали. Какие из них работники? Под палящим солнцем двенадцать часов с небольшим перерывом на еду... Но этот остался, сумев доказать свою работоспособность и в первый день, и во все остальные.

На следующий день они встречаются снова. Под сенью одного-единственного дерева возле барака собираются измотанные жарой и работой люди, чтобы поесть.

– Привет! – старик первым протягивает ему руку.

– Не буду я с тобой за руку здороваться, – заявляет Чаго, быстро пряча кисти себе за спину.

– Что же так?! – мохнатые брови старика подскакивают вверх.

– А может, ты заразный, – невозмутимо говорит малыш.

Старик не отвечает. Корявыми пальцами, ухмыляясь во весь рот, черпает он коричневую тушеную фасоль. Чаго садится в стороне.

Беспощадный солнечный свет заливает небо, растворяется в воздухе, отражается от ветхих стен барака и земли, сплит, обжигает и заставляет искать убежище. Но в единствен-

ном убежище – бараке – вонь и духота. Все сидят под деревом. Едят молча, расположившись в тени, кто на толстых низких ветвях, кто на земле. Шелест сухого ветра смешивается со стуком ложек по мискам.

После еды в их распоряжении остается не более двадцати минут. Целых двадцать минут блаженства, когда сытость вызывает чувство приятной истомы, можно закрыть глаза, расслабить усталые мышцы и погрузиться в полудрему.

– Э-эх... печет-то как! А в океане сейчас свежесть бриза соперничает с прохладой глубин... да-а-а... океан! Не отпускает... зовет... – вздохнул кто-то.

Чаго открывает глаза на голос. Это старик. Он смотрит, не мигая, на стену барака и бубнит себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь. Да его никто и не слушает. Старик все смотрит и смотрит на стену. Мухи носятся перед лицом, садятся на нос и щеки. Он не пытается отогнать их. Морщины резко расходятся по худому обветренному лицу. Редкие седые волосы прилипают ко лбу и шее, колючая поросль на щеках шевелится.

Малыш вновь смежает веки.

– Протяни руку – и, кажется, прикоснешься, сделай шаг – и ты уже во власти волн... вдыхаешь горькую соленость... и становишься рыбой... и плывешь к горизонту... и не успеваешь до заката... и утром начинаешь сызнова... – бормочет старик.

Наостря уши, малыш жадно ловит обрывки речей, и во-

ображение уносит в неведомую даль. Чаго не видел океана. Никогда! Слышал только от матери, чье лицо забывается. Новый человек, оказывается, прибыл оттуда. Он постоянно рассказывает об океане и шторме. И речи его так же поразительны, как и он сам. Весь остаток дня Чаго думает о неведомом океане.

Когда еще один монотонный день остается позади, темнеет и небо расцветает звездами. Они ярко мигают в чернильно-далекой пустоте. На охранных вышках рдеют огоньки. Разведенный костер кипятит чай. Иногда тревожно перекликается лес.

Вечерняя похлебка малосъедобна, но Чаго глотает безвкусное варево. Другой еды все равно не дадут. Он сидит в кругу света вместе с мужчинами. Они свободны от работы, но не могут уйти с плантации. Малыш вздыхает. Ему не плохо и не хорошо, ему обычно. А хочется, чтоб интересно. Чаго вспоминает о старике, отыскивает его взглядом среди других.

Старик задумчив, он горбится и подается к огню. Пламя костра освещает длинное лицо с крупным, слегка свисающим носом, красноватые воспаленные веки, маленькие темные глаза, редкую седую щетину на худых щеках. Сутулая фигура покрыта бесформенным балахоном. Узкий череп скрыт широкополой соломенной шляпой в дырках, выцветшей под солнцем, с растрепанными краями. В его застывшем облике живы, движутся и изменяются лишь одни глаза,

сверкающие течением мысли.

Старик молчалив. Чаго не выдерживает и подсаживается ближе. От старика дурно пахнет, но ради удивительных рассказов малыш готов смириться.

– Расскажи! – просит Чаго и поглядывает с любопытством.

– О чем? – притворно спрашивает старик.

– Расскажи, какой он сейчас.

Речь, разумеется, об океане. Старик о другом и не говорит.

– Именно сейчас? – щурится старик.

– Да, – улыбается Чаго. Сверкающие в улыбке глаза полны предвкушения сказки.

– Дикий, – неожиданно стальным тоном произносит старик, – ибо настал час лютого шторма! Мощное дыхание океана вздымает глыбы воды побольше ваших холмов...

Щуплое тельце Чаго покрывается мурашками. Он оглядывается вокруг, прислушивается. Но за кругом света ночь темна и спокойна. Ночные мотыльки беспорядочно пляшут. Запахи травы и земли богато изливаются вместе с ночной прохладой. Мужчины разводят сгущенный сок сахарного тростника в кипятке и пьют «агуа де панела». Получив свою кружку, Чаго ставит ее на землю остывать и взглядом просит старика продолжать. Того и просить не нужно.

– Шторм собирает души, – голос старика звучит тихо и зловеще, – в такие ночи моряки, что сгнули в волнах океа-

на, не уходят на дно или на съедение рыбам, – говорит он, простирая руку в лохмотьях вперед, к пляшущим языкам коста, – они растворяются, становятся частью океана, темной разъяренной пучиной. И души их бушуют в нескончаемой надежде вырваться, отделиться от соленой воды и пены, не ведая, что давно стали этой водой и пеной...

Чаго слушает с жадным вниманием.

– А если доводится погибнуть при иных обстоятельствах, – продолжает старик, – то душа моряка вселяется в дерево. Может, вон в том лесе есть такие, – машет он рукой в темноту.

– Как это? – Чаго ошеломленно смотрит в указанном направлении.

– Душа томится в ожидании своего часа, пока лес шумит и зеленеет под солнцем. И когда приходит время вернуться в море, дерево срубают, делают из него лодку или доски для кораблей, и души моряков снова попадают в объятия волн, – поясняет старик.

– Ух ты! – восхищается малыш, живо представляя себе все сказанное.

– Дребедень, – ворчит кто-то рядом.

Старика люди с плантации всерьез не воспринимают. Он не думает возражать. Сидит, смотрит в пустоту, невыразительное днем лицо становится моложе и одухотворенней.

– Чем сильнее шторм, тем громче поют души в его глубинах, – вновь бормочет он. – Души поют обо всем, что видели

когда-то люди при жизни. Они поют о тайнах самого океана. Они знают много тайн воды и неба, ветра и звезд.

– Кто тебе сказал? – восхищенно улыбается Чаго. Рассказ приобретает для него большой смысл, неведомое раскрывается, перед глазами явью носится ожившее повествование.

– Я был там. Я знаю, – буднично отвечает старик, – и ты можешь узнать.

– Как?! – ерзает на месте Чаго.

– Если сидеть на берегу, внимательно и долго слушать, можно в шуме шторма различить их голоса...

Чаго восхищенно блестит глазенками. Он долго ждал каких-нибудь чудес. И дождался.

– Это, наверное, далеко? – волнуется он.

– Далеко, – кивком соглашается старик.

– Но... туда же можно добраться? – вслух размышляет Чаго, лихорадочно поглядывая в направлении вышки, где неизменно стоят охранники с автоматами. Они могут разрушить его новые мечты. Легко.

– Нет ничего невозможного, – говорит старик.

– Ничего-ничего? – допытывается Чаго.

Старик утвердительно кивает. Малыш стихает, обдумывает что-то. Ночь плотней обступает догорающий костер. Работники постепенно встают и уходят друг за другом в барак на ночевку.

– Не морочь мальчишке голову, – говорит старший, – он сам спать не будет и другим не даст.

Старик молчит, будто и не слышит вовсе.

– Говори, говори! – шепчет малыш. – Ты ведь не все рассказал, ведь так?

– Слишком долго слушать опасно, – возражает старик, поднимаясь. Он напился и наелся до отвала и мечтает бросить свои старые кости на тощий тюфяк, сулящий благодатный отдых.

– Почему? – не понимает малыш.

– Поздно уже, – устало откликается старик, уходя.

Чаго остается один. Он взволнован, долго думает об услышанном. В ночи он похож на мелкого хищного зверька, стерегущего добычу: поджав ноги и обхватив руками колени, он вытягивает шею, щеки горят румянцем, а глазенки сверкают, как угольки костра.

Мир кажется необъятным, прекрасным, неведомым. Взгляд Чаго бывает частенько прикован к горизонту, и тысячи вопросов вертятся на языке. Но взрослым не нравится, когда он пристает к ним с расспросами. Чаго растет среди рабочего люда, бедноты. Тяжелый труд не располагает к многословности. «Сделай то», «сделай это», «иди отсюда» – почти все, что он слышит. А после работы все едят торопливо и разбредаются на ночлег. Редко, когда случается ему слышать разговоры иные, кроме ругани, жалоб на жизнь и пьяной ахинеи. Чаго не угнетает такое общество, поскольку многого он не знает и довольствуется мечтами. Со временем одних мечтаний становится мало.

Этой ночью Чаго стонет и мечется по тощему матрацу, набитому соломой, пылью и клопами. Ему грезятся диковинные сны. Безмолвие изредка нарушают голоса леса. Охранники по периметру светят огоньками сигарет. Горят узкие окошки самодельной лаборатории. Под дулами автоматов работники ночной смены трудятся, превращая собранные днем листья в белый порошок.

## Глава 3. Колдун и Бывалый

Забыв об ограничении скорости, вздымая фонтаны брызг, Ник мчится по городу мимо патрульной машины ДПС.

– А!.. – едва успевает отреагировать один из патрульных полицейских.

– Расслабься, – второй устало потягивается, расправляя затекшую спину. Что может быть хуже утра после дежурства? А впереди ждет выволочка у шефа на планерке.

– Кто это был? – удивленно интересуется стажер и провожает мотоцикл взглядом.

– Колдун, – отвечает более опытный его напарник. – Спешит навстречу смерти, пока его место никто не занял. Иди возьми нам кофе покрепче. И пончиков со сгущенкой. Эх, дрянь погода! – почему Ника не трогают, он предпочитает умолчать.

Тучи свинцом придавливают небо вплотную к асфальту. Питер хлопает навзрыд лужами и пенящимися под колесами потоками воды. Мелькают зонты, гремят трамваи, автобусы и такси медленно продвигаются в наползающий туман. Невзрачность стелет пелену повседневности.

По пути Ник притормаживает на знакомом перекрестке, у магазина музыкальных инструментов. Здесь работает один из его давних знакомых – Жека Хилый.

«Заглянуть, что ли?» – думает Ник, подруливая к боль-

шой стеклянной витрине. Несмотря на ранний час, магазин открыт. Через стекло видно хозяина.

На краю тротуара стоит дедок с непокрытой вихрастой головой, в потрепанной куртке с чужого плеча. В глаза сразу бросается изрядная худоба. Рядом жметесь тощая псина. На шее дедка висит картонка с надписью «Немного на еду».

Ник достает пачку сторублевок и опускает в кепку перед ним. Дедок наклоном головы благодарит, а сам глядит в пустоту. Он слеп. Ник подходит к магазину и толкает стеклянную дверь.

Хилый издает радостный вопль и кидается навстречу пожать руку. Ему всего сорок два, а в облике что-то разительно изменилось. Ник удивлен. Ему хочется крикнуть: «Жека, ты где? Выходи!»

– Как тебя угораздило под наше свинцовое солнышко выбраться, полуночник? – удивляется Хилый. – Не нравится, да?

– Светло, – хмурится Ник.

– Это понты питерские светятся, – смеется Хилый.

Жека Хилый, в прошлом мотогонщик, сейчас подозрительно смахивает на пожилого бухгалтера, просидевшего всю жизнь до пенсионного возраста в тесной комнатке между копировальным аппаратом и стеной. Ник никак не может понять, что конкретно заставляет так думать: безвольное, почти женское рукопожатие, прилизанные к черепу поредевшие волосики, вспухшее заплывшее лицо, удавка на

шее в виде галстука, нескладно облегающий обмякшую фигуру кашемировый джемпер и классические серые брюки либо извиняющаяся манера передвижений мелкими шажками с услужливым наклоном головы.

– Ну, рассказывай, как живешь? Чего творишь? Чего нового? Как настроение? – Хилый задает много вопросов. Ответов не ждет. Он рад приезду Колдуна. Суется, хлопает дверцами шкафов. Неожиданно вытаскивает и вешает на дверь в подсобку мишень для игры в дартс.

Ник садится на край тумбы и наблюдает. За всей кипучей деятельностью и дружелюбием чувствуется непричастность. Будто не Хилый здесь вовсе, а его устаревшая механическая версия ходит и говорит за человека.

– Ты чего? – Хилый неохотно застывает на месте. Наблюдающий взгляд Колдуна невыносим.

В ответ Ник просто пожимает плечом.

– Выгляжу паршиво? – кисло улыбается Хилый. – Да! Хреново мне!

– Болен?

– Я ничем не болен. Я женат, – печально смеется Хилый.

Ник смотрит на Хилого, пытается понять, что с ним не так. Лет десять назад Хилый гонял мотокросс – любо-дорого смотреть. И в стае своей отличался. И легок на подъем был. . .

– Продаю магазин. Закрываюсь – и в таксисты. Ленка, жена моя, требует больше денег. Дочкам в институт поступать в следующем году. Теща запилила своим ремонтом и картош-

кой на даче, – Хилый вздыхает. – Все соки с меня тянут. Нет, я не жалуясь. К слову пришлось. Если ты не сильно обременен делами, может, сыграем? – предлагает Хилый, закончив монолог.

Ник не обременен. Он молча берет дротики и идет на позицию.

– А я с утра энергетика выпил! – возбужденно смеется Хилый. – Тысячу лет его не пил! Я – озверел!

– Ого! – Ник потирает длинную щетину на щеках и подбородке, наблюдая за полетом дротиков куда ни попадя. Хилый плохо целится.

– А ты, Колдун, совсем не меняешься. Ничего тебя не берет! Ха! Катал, поди, всю ночь?

– Угу! – подтверждает Ник.

– А мне, смешно сказать, иллюзии приносят теперь большее удовлетворение, чем реальные события. Это я про интернет...

И опять дротики хаотично впиваются в мишень и стену.

– Где шлялся? – Хилый даже головы не поворачивает.

– В самых веселых местах, – мрачно заявляет Ник.

– Четырнадцать. Семь! Нет, единица. Десять. Перебор! Твоя очередь, – Хилый вынимает дротики из круга и подает Нику.

Ник молча бросает дротики.

– Ха, – комментирует Хилый. – Теперь я. Смотри, иду на личный рекорд! Да чтоб тебя!

– Поторопился, – замечает Ник.

– Ага! – соглашается Хилый. – Рванул, как на буфет. Пижонство!

– Хм!

– Ноль. Двадцать один! Ага-а-а! Ту-ту-ду-дуууу-ду-ду! Фанфары! Понты – страшная сила!

– Удваиваем?

– Удваиваем.

– Десять. Три. Восемнадцать. Перебор!

– Понты закончились.

– Судьба не любит таких. Понтов не любит. Тринадцать. Ой-ей-ей! Восемь. Да?

– Нет. Один.

– Очко!

Хилый радуется, едва не прыгает на месте. Ник спокоен. В груди нарастает смутное чувство бесполезности визита. Дверной колокольчик оповещает о приходе покупателя. Хилый забывает про игру, все внимание переключает на студента. Тому нужен тюнер подешевле.

За стеклянной дверью магазина Бывалого обступают восхищенные подростки. Ник поглядывает на них неприветливо. Трогать Бывалого никому не разрешается безнаказанно. Узрев угрюмую фигуру байкера, парни исчезают. Студент мнетя, шупает зачем-то тюн и тоже испаряется за дверью.

– Чего на базе не всплываешь? – интересуется Ник.

Хилый сникает, смотрит пойманным за шиворот мелким

вором. Глаза моментально стекленеют.

– Я в завязке, – сообщает он странным голосом. – В полной. После аварии. Давно уже. Ты разве не знал?

– Нет. Что-то серьезное?

– Ничего. Слава богу, обошлось! Просто... просто подмяла меня жизнь, – криво усмехается Хилый и поспешно добавляет: – Да я привык. Два колеса в прошлом. Может, оно к лучшему. Там, наверху, так решили. И мы здесь, внизу, решили так же.

Хилый смеется исподволь и тычет пальцем в потолок.

– «Мы»? – переспрашивает Ник.

– Тебе не понять, – отмахивается тот.

Ник хмурится, пытаюсь уловить суть. Хилый оправдывается перед ним. Слова прыгают, словно земляные блохи у грязного подъезда. Пухлые руки нервно пробуют дротики на излом.

Ник прищуривает глаза. Он и вправду не понимает Хилого. Зачем тот суетится, «отмазки» гнилые кидает, оправдывается?

– Зато для семьи заработаю, – заявляет Хилый, – такси в Питере – вещь стоящая. Там денег платят.

– Много? – равнодушно отзывается Ник. Сколько он помнит Хилого, тот всегда страстно любил свой мот и музыку. И гонки. А теперь... Где ты, Жека?

– Это не секрет, – усмехается Жека, – десять процентов отдаю, остальное мое. В сутки можно накатывать тысяч по

семь-десять. За выходные можно и пятнашку взять! Что скажешь?

Ник неопределенно поводит бровью.

– Значит, на фирму работать собрался?

– Да. Но трудоустройство неофициальное. Нас там четыре тысячи сотрудников числится, и все не оформлены. Ты подписываешь договор, все документы, бумажки аккуратно складывают и убирают на полку. Такая фигня. Я, пока в курс входил, много нового узнал. Раньше заказы по рации принимали. А теперь через смартфон. На GPS заказ приходит. Можешь взять или отказаться. При желании можно выключить смартфон и взять левый заказ. Я недавно начал. Есть люди – сутками таксуют. Спят по два-три часа.

– Мало, – говорит Ник, – бьются, наверное?

– Бьются, понятно, – соглашается Хилый. – Кто с трассы уходит, кто под колеса грузовиков. Зато деньги...

– Жесткая система, – замечает Ник. Хилый согласно кивает.

– И гоняют жестко! Едят на ходу. Считай, только по нужде и выходят. А я гонять не стану. Быстро и медленно ехать не нужно. Просто едешь, и все. Среднюю врубил – и гони за городом. А то и того дальше. Красота!

Хилый говорит вроде с запалом, а радостью и не пахнет.

– Пару раз возил. В Питере суматоха. Возни много. За городом ехать особого ума не надо. Не приближайся и не гони, средняя скорость, глядишь, обойдется. И затраты пле-

вые. Три литра расход.

– Солярка.

– Ага! Три литра! А поначалу десять было. Сменил машину, отладил езду. Топлю потихоньку, и думать ни о чем не надо. Пару раз с товарищем прокатился. Он меня всем премудростям научил.

– Это ты правильно сделал.

– Еще бы! Мне объяснили, как надо ездить. Все накатом. После шестидесяти на пятую перехожу. Дальше – по ощущению. Шесть с половиной по городу – это нормально, с пробками – 7-7.2. Хочешь знать, сколько за месяц можно снять барышей?

– И так скажешь.

– Сто двадцать тысяч! – округляет глаза Хилый. – Серьезно! Один человек умудрился больше. Но он реально в машине живет.

– А зачем? – спрашивает Ник.

В наступившей внезапно тишине слышится голос проснувшегося Питера. Хилый на секунду входит в ступор.

– Как зачем? – Хилый опешил. Он непонимающе смотрит на байкера. – Это ж деньги! Ого-го!

– А...

– Правда, машину часто менять нужно будет. Износ большой, – продолжает Жека.

– Года через два, – прикидывает Ник.

– Кто как водит. Ходовая вся меняется, от гарантийки от-

казываются. Не многие новые берут. А с клиентами не по счетчику расчет. Сейчас приходит СМС с ценой со смартфона. Клиент заранее знает цену. Но чаевые редко – народ за двадцать рублей душится. Можно, правда, раскрутить, но ненавязчиво. Типа «сдачи нет». Иначе жалуются на фирму. Но в целом мне очень нравится такая работа! Такие дела, вот!

– Я не понял, тогда что ты здесь делаешь?

– Щас обыграю тебя да поеду, – довольно улыбается Хилый. – Ленку жду. Она у меня ликвидацией товара заведует. Помогает прикрыть любимый бизнес. Мот уже продала... – Хилый понимает, что сболтнул лишнее, но уже поздно.

Ник не умеет скрывать чувства. Лицо отражает мыслительный процесс. Ему горько. Паскудно. Он помнит Сарацина, глубокий тюнинг красавца-чоппера, каждую деталь, каждый винтик. Хилый чуть не умер на радостях от передоза, когда получил один из совершеннейших мотов из его рук.

Разговор подкашивается и падает к ногам. Хилый мнется, откладывает дровишки. Он уверен, что низко опустился в глазах Колдуна. Колдун, он же маньяк. Он же, кроме запчастей своих, моторов да вилок, ничего не видит и не ценит. Хилый набирает побольше воздуха. Вместо твердой решимости словно и не его голос произносит:

– Оказывается, жизнь продолжается и без двух колес...

И ничего не происходит. Гром не грянул, и молний не видеть. Колдун не срывается с места, чтобы убить его, Жеку

Хилого. Бывший мотогонщик осторожно переводит дух. Вышло вроде спокойно, хорошо.

Ник прощается и спешит уйти.

– Пстой! – вслед ему кричит Хилый из-за прилавка. – Тобой один мажор интересовался. Сказал – кореш. Вот его визитка. Торопишься? Может, выпьем?

– Надо ехать, – говорит Ник, не глядя, запихивает визитку в карман кобухи. Сильно хочется в ночь.

– Бывай! – неуверенно прощается Хилый и поспешно протягивает руку. Рукопожатие у него вялое.

«День не приносит хороших вестей», – убеждается Ник на ходу. Распугав прохожих у магазина, он с облегчением возвращается к себе в берлогу.

Здесь, в теплом подвальном помещении, одновременно располагается и его мастерская, и гараж, и место, которое принято называть домом. На ходу стягивая с себя мокрые вещи, Ник бросает что под руку попало в микроволновку и возвращается к моту.

Бывалый проявляет завидное безразличие к пакостным погодным условиям всякий раз, когда перед этим хорошенько погонял на запредельной. Вот и сегодня он, весь мокрый, равнодушно дремлет, пока Ник приводит его в идеальное состояние.

В берлоге Нику комфортно и размышлять, и действовать. Сейчас он не размышляет. Только действует. Сидит на корточках и очищает Бывалого от налипшей грязи. Аккуратно

орудует мягкой губкой, отмывает тщательно все детали, насухо протирает поверхности, с удовольствием вдыхая запах остывающего двигателя. Особое внимание уделяется движку и проводке.

Постепенно по берлоге распространяются ароматы съестного. Микроволновка выдает горячую смесь из пиццы и сарделек. Ник ненадолго отходит от Бывалого, чтоб перекусить. Разгребает на столе место для завтрака. Журналы, чертежи, промасленные тряпки и запчасти просто отодвигаются в сторону. Ест он быстро, глотая кусками, поглядывает по сторонам. На глаза попадает косуха. Ник из кармана достает визитку, пробегает по буквам, вчитывается, удивляется, и память уносит его в далекое прошлое.

Рука машинально нащупывает среди предметов стоящую на столе пузатую бутыль. Ник думает выпить, подносит горлышко к губам. Смешно, но не лезет. Бутыль отправляется под стол.

И на столе, и повсюду царит рабочий беспорядок. Вошедший сюда неискушенный человек, наверное, растерялся бы, не зная, на чем остановить взгляд. Помещение изобилует всякими удобными приспособлениями, механизмами, станками, деталями от мотоциклов, самими мотоциклами, разными вещами и инструментами. В угол сиротливо затесался старый кожаный диванчик. Он выполняет функцию кровати.

Ник «колдует» здесь чертову дюжину лет. Подвал достался ему почти одновременно с Бывалым по счастливой слу-

чайности. Бывает такое, что на каком-то этапе жизнь неожиданно просыпается и вспоминает о тебе. И тогда одно за другим обстоятельства одаривают человека рядом событий, которые коренным образом влияют на его будущее. Именно так произошло и с ним.

Правда, Нику пришлось долго повозиться, избавляясь от плесени на бетонных стенах, пыльной макулатуры, изъеденных грызунами картонных коробок, разобранной мебели, битой стеклотары и ржавых колес.

Он врезал новые замки, поставил вентиляцию, полностью сменил проводку, выскреб все под ноль и постепенно довел берлогу до нужного уровня комфорта. Не нуждалась в переделке разве что отопительная система. Пригодная для работы температура держалась круглый год. А канализационные трубы, протянутые по стенам и уходившие в потолок, время от времени напоминаящие о себе шумом и бульканьем воды, его не смущали.

Очнувшись от задумчивости, перекусив и закончив с проводкой, Ник возвращается к мотоциклу. С ненавистью вспоминает он восход солнца. День по-прежнему олицетворяет для него то далекое и несчастливое время, о котором байкер никогда никому не рассказывает. О котором он не забывает ни на один миг. О котором теперь напоминает ему, как выразился Хилый, «кореш», зачем-то разыскивающий Ника по прошествии стольких лет...

Ник переводит дыхание, убирая длинные волосы с лица.

Долгие годы он не может спать по ночам. Мучают кошмары. Просыпаясь в поту, судорожно вскакивает со скомканной постели и смотрит себе на ладони. Ведь еще секунды назад они были все в крови... липкими теплыми струйками стекала багряная жидкость с рук девятилетнего мальчика... С его рук. Его! А у ног медленно умирал убийца его отца. Маленький Ник стоял молча и смотрел, смотрел, не мигая, как затихает, уходит жизнь из тела взрослого мужчины. Страх, ужас, осознание собственного поступка – все, кроме раскаяния, придет к нему позже. Сейчас он просто стоял и смотрел. Оказывается, это просто – берешь и делаешь.

Он не убежал и не спрятался в сарае или на колхозных складах, а медленно добрал до дома, все рассказал своим. Мать и дед решение приняли быстро. Спешно собрали документы, деньги, некоторые вещи. Дед той же ночью отвез их на ближайшую железнодорожную станцию. Пошептавшись с проводником и подкрепив свои слова каким-то свертком, дед посадил их на проходящий поезд и махнул жилистой рукой заплаканной матери.

Началась невеселая жизнь по углам и коммуналкам тогда еще Ленинграда, затем – по рабочим баракам. Кошмары не отпускали мальчика. Ник кричал, будил простых рабочих. Они ругались на него и на мать. Потом его стали выгонять. Приходилось остаток ночи проводить под дверью, обернувшись лянцовой брезентовой курткой.

Мать без отца долго не протянула. Ник остался один. Не в

силах избавиться от навязчивых воспоминаний, мальчик перестал вообще спать по ночам. Днем почему-то спалось без сновидений. А на заводе всегда нужны рабочие руки. Особенно в ночную смену. После долгих уговоров начальника смены он, тогда еще подросток, устроился работать за копейки. Ник простоял у станка несколько лет, набрался опыта и стал зарабатывать больше. Но грянули лихие девяностые: развал СССР и перестройка. Завод закрыли. Ник, как и все остальные работники, был выброшен на улицу без выплаты зарплаты за три с половиной месяца. После голодных шатаний и поиска работы ему повезло. Он смог устроиться в одну из первых частных мастерских по ремонту автомобилей и мототехники.

И пошло-поехало. Детская любовь к мотоциклам воспарила в нем с новой, неожиданно неистовой силой, вытеснив другие надобности и интересы. Ник брался за любую работу. Сутками возился, разбирая, чиня и собирая различные модели советских мотоциклов и мопедов. Поначалу ему доверяли «Днепры», «Уралы», «Мински», «Ижаки», «Явы» и «чезеты».

Когда же появлялись в мастерской «забугорные» Honda, Yamaha, Suzuki, Kawasaki, Ник забывал про еду и сон. А когда впервые увидел у ворот мастерской Harley, что-то щелкнуло внутри. Сердце сжалось и сладко зануло. Он долго смотрел на роскошный аппарат глазами дикого голодного зверя. После этого Ник и вовсе, по словам работников ма-

стерской, «с катушек съехал».

Дорога звала его. Сначала питерские хмурые улочки, потом широкие величественные проспекты и, наконец, бесконечные загородные трассы: Москва, Мурманск, Брянск. Его начальник и хозяин мастерской понятия не имел о неумеренной страсти угрюмого подмастерья. Наблюдая за лихорадочным упорством и непонятым, чуждым многим здравомыслящим людям энтузиазмом, с которым Ник спешил окончить очередной заказ на ремонт, он только диву давался, гадая, что именно движет парнем. А Ник по ночам гонял на чужих мотоциклах.

Шли годы. Хозяин мастерской старел. Постепенно почти вся основная работа перешла в руки старшего механика и Ника. Благо, Ник никогда не подводил. Да и жалоб от клиентов на него не поступало. Разве только благодарности. А он продолжал свои ночные отлучки. Знали бы хозяева двухколесных, какие тест-драйвы Ник устраивал!.. Само собой, сложился круг новых знакомых – дерзких и бесшабашных, как и он сам. Его давно звали на уличные гонки и совместные приключения. Ник отказывался. Он катал один.

Но, как у нас в России водится, ничто так не огорчает людей, как успех ближнего. После развала Союза Питер «переподелили» на районы криминальные группировки и начали устанавливать свои порядки, собирая дань с предпринимателей. «Крышующие» мастерскую сначала подняли сборы. Хозяин ворчал, но прогибался. А потом «братки» решили: хо-

рошее – не значит лучшее. И ждали случая, дабы прикрыть бизнес.

Им сыграл на руку характер Ника. Упрямый, гордый, он предпочитал в качестве аргументов пускать в ход кулаки. Младший брат лидера криминальной группировки в силу борзости его нрава и отсутствия сдерживающих сил вскоре и нарвался на эти самые кулаки. В отместку банда нагрянула вся разом. Мужики из мастерской дали отпор, но нападавших было больше. Они разграбили и сожгли мастерскую. Старшему механику показательно поломали обе руки, Ника пырнули ножом. Хозяина мастерской избили до полусмерти.

Так Ник во второй раз потерял работу. Через неделю после выписки из больницы хозяин мастерской и Ник встретились и скрылись в неизвестном направлении. Еще через некоторое время «братков» не стало. Кто-то подорвал машины вместе с главарем банды и его приспешниками. После хозяин мастерской уехал на Дальний Восток, а Ник остался пробивать себе дорогу в жизнь кулаками.

А потом, со временем, все наладилось, и он вернулся к мотоциклам. Год спустя у Ника появился этот самый подвальчик. Старые клиенты потянулись с заказами. Вначале было грустно: лишения, много ручной работы, нехватка инструментов, дополнительные расходы на лакокрасочные материалы, кожу для перетяжки сидений и пошива кофр и прочее.

Но постепенно он поднялся и стал работать один. Как и прежде, Ник торопился закончить каждый новый заказ. И не

только потому, что ночная дорога звала его сильнее чего бы то ни было. Он занялся созданием индивидуальных моделей, кастомом. Торопился творить, создавать, наделять механизм душой и характером.

Бандитское время кончилось. Ник работал все больше и больше, вылез из долгов. Обзавелся приличным инструментом. Берлога превратилась в полноценную мастерскую. Появились новые люди, которые сами привозили к нему мотоциклы. Объясняли, чего хотят. Ник начал брать финансово неплохие, а главное, интересные заказы.

Выходил наверх он только когда становилось нечего есть и ради трассы. И еще ради злости и боли. Воспоминания он нес с собой на ринг, в «клетку», а под утро возвращался в берлогу к своим мотоциклам, своей действительности, своему миру и пространству, куда не было входа никому.

После ремонта, тюнинга или сборки новой модели мотоцикла, на которую могли уйти долгие месяцы, Ник с замиранием сердца выгонял очередной мот и выезжал в закат, к первым звездам. И всякий раз серьезное не улыбочивое лицо байкера светилось счастьем...

Возвращаясь в настоящее от нахлынувших воспоминаний, Ник утирает лоб тыльной стороной ладони и окидывает Бывалого довольным взглядом. Мот стоит чистый и сухой. Наступает самый приятный этап: полировка хромированных частей до волнительно-таинственного блеска. От его созерцания сердце приятно тревожится ожиданием нового выез-

да.

Чуть в стороне от Бывалого дремлют начищенные до блеска «Урал» и «Днепр». У каждого свой характер, норы, история. Советский «Урал» почти в стандарте, на ходу. Поначалу он был «колясычем». Но благодаря чертежам, болгарке, прочим волшебным штукам и неделям труда стал одиночкой. «Днепр» был собран полностью из запчастей. Эти моты по сути давно служили в качестве экспонатов, отдыхали в безвременном отпуске. С появлением Бывалого Ник ни разу ему не изменил. Ключи висели по старинке – на гвоздиках. Как у отца и деда.

Закончив с Бывалым, Ник развешивает мокрую экипировку сушиться. Спать по-прежнему не тянет. Бесплезность дня наваливается с новой силой.

«Надо ехать», – думает Ник, смотрит на часы и понимает: еще рано. Сильное, неистребимое, ненасытное желание скорости не дает покоя. За дверь по-прежнему идет дождь, заливая город. Дождь его не остановит. Ник давно «клат болт» на погоду.

В дождливую, слякотную, морозно-гололедную погоду у большинства байкеров моты стоят «на приколе», в гаражах. Это разумно. Более чем. Сезон начинается весной, по сухой трассе, и завершается осенью. Понятия «сезона» для Ника не существует. Катает всегда. При любых погодных условиях. Даже когда под носом сосулька и рук не чувствуешь, потому что пальцы промерзают. Темный, колючий, голод-

ный ветер байкера кружит рядом, зовет, требует насыщения. Неукротимый голод подстегивает. Ник торопится кормить ветер. Торопится жить.

В его жизни все просто и понятно – моты, бои, друзья, бабы. В редкие свободные вечера Ника можно найти в баре у Ската. Говорит он мало, в основном пьет пиво и слушает, как обсуждают мотоциклы, футбол и женщин, а потом занимается тем, ради чего стоило родиться на свет.

Все было просто и понятно до вчерашнего дня. Вчера оказалось, что Ник недостаточно торопился гореть и жить. А еще остается невыполненным одно дело. Тут вспоминается ящик коньяка. Байкер лезет в дальний угол берлоги.

Вместе с коньяком на свет божий появляется запыленный двигатель. Ник радуется возможности занять себя не только мыслями. Убитый механизм не поддается, упирается. Ник тоже упирается, терпеливо и настойчиво возится с разборкой.

«Ну вот, – размышляет Ник. Он разложил детали перед собой и утирает руки ветошью, – колено целое. Шатуны один целый, другой – на грани допуска. Основной вопрос в головке блока».

Время идет, капает дождем за стенами берлоги. Бывалый дремлет. Коньяк потихоньку идет, незаметно убавляется. Ник усердно трудится. Неожиданно он отрывается от работы, вскидывает голову и говорит, обращаясь к своему «Харлею»:

– Скоро в поход, Бывалый! Последний. Самый дальний. На другой конец света.

Мотоцикл вслушивается в слова с интересом.

– Ты увидишь много интересного. Мы вместе увидим, – обещает Ник.

Бывалый косится на Ника фарой. Он заинтригован. Так далеко они еще никогда не отправлялись.

После Ник еще накатывает немного коньяку и представляет, как с ревом и грацией летит на моте по земле предков. Это хорошо! Это правильно! Будет что сказать ТАМ отцу при встрече.

Бывалый молча наблюдает за процессом и не устраивает истерик, когда Ник седлает его даже в изрядном опьянении, хотя, по правде сказать, редко такое случается. Бывалый относится к выпивке философски. Надо же человеку тоже заправляться.

Уставший, Ник растягивается на диване. Немного поизучав потолок, отыскивает телефон и набирает номер с визитки.

## Глава 4. Мечты сбываются

Старый пес печально взирает на людей. Больших размеров, с рыжеватой шерстью на спине и белой на лапах, шрамами на угрюмой темной морде, пес повидал их немало. Весь день до вечера он дремал в тени, пока голоса не потревожили его сон. Подняв голову, пес лениво лает в знак приветствия, подбирает лапы и наблюдает за приближением уставших работников.

Чаго бежит навстречу, чтоб приласкать. Пес бьет хвостом, вздымая горячую пыль. Его нашли сбитым где-то на дороге недалеко от плантации и привезли в кокаиновой машине. Чаго тискает пса. Пес рад вниманию. Он поднимается, шамкает челюстью с редкими обломанными усами, тычется в малыша носом, норовя залезть под мышку, тихонько поскуливает, зевает и облизывается одновременно. Чаго чешет его за ухом, смеется и убегает ужинать. Пес бежит следом, но гневный окрик кухарки останавливает его на полпути.

Малыш стал приглядываться к людям. Кто сможет подсказать ему, как можно уйти с плантации? Кто поможет? Нет. Не поймут они. Еще запрут в подвале, будут бить и продержат с неделю на одной воде, как Хайме... Выходит, самому нужно думать. Пока суть да дело, Чаго греет себя мечтами, потихоньку таская съестное с кухни про запас.

Вскоре Чаго понимает – старика не любят на плантации.

Его не принимают всерьез. Для работников старик нищ и безумен. «Придурастый» – насмешливо зовут его работники меж собой за неумное бормотание о всяких небылицах. А старику все равно. Каждый вечер подсаживается он к костру и говорит, говорит Чаго о просторах океана и его тайнах. Восторг светится в бесцветных глазах. Скрипучий голос смущает ум малыша.

– Пока есть мечты – жизнь продолжается. Время сомнений проходит, и понятно, куда тебе идти! – улыбается старик.

– Ага! – охотно соглашается Чаго. Он впервые узнает невероятные вещи. Они могут произойти на его глазах. И даже с ним! Обмурашивает. Воображение увлекает. Мысли летят далеко. – Вот бы увидеть, какой океан сейчас! – вздыхает малыш.

Старческое лицо приобретает мечтательное выражение, слова сами срываются с губ, и перед внутренним взором Чаго встают ночные волны, высотой с горы. Они сотрясают землю, вгрызаясь в берег и унося с собой часть суши в бешеных пенных потоках. А наутро солнце первым своим лучом укрощает ярость океана, и на прибрежной полосе остаются лежать его сокровища: невиданные волшебные камни, кусочки неизвестных растений и драгоценности с затонувших кораблей времен конкистадоров, а иногда – и таинственные существа, некогда населявшие мир и ушедшие в глубину веков. И щедрое солнце высушивает волшебно-белый песок.

И океан становится сине-зеленым, прозрачным, ласковым. И нежный ветерок дарит ощущение счастья в ярком и беззаботном мире.

Чаго слушает с неизменным изумлением и благоговейно вздыхает. Все его маленькое существо стремится туда. А старик знай себе тихонько посмеивается

– Мой тебе совет, – говорит старший, обращаясь к Чаго, – делай свое дело и не слушай пустых рассказней, к добру они не приводят.

– Разочаровывайся в людях сразу, экономь время! – поддакивает кто-то рядом.

По лицам работников проносятся мимолетные ухмылки.

– Не забивай ему голову! – ворчит пожилая работница, проходя мимо с корзиной выстиранного белья. Неодобрительно смотрит на старика. – Мальчику работать надо.

– Разве он не работает наравне со всеми? – спокойно возражает ей старик.

– Говорю тебе, брось заниматься ерундой, старое трепло! – сварливо откликается она.

– Чего она прицепилась? – недоумевает Чаго. – Отстань от нас! – вдруг выкрикивает он и сам пугается. За такое поведение его могут наказать. Малыш с тревогой оборачивается к старику, ища поддержки.

Женщина осуждающе качает головой.

– Поговори мне тут! – прикрикивает она на малыша, развешивая на провисшие веревки свои застиранные парашю-

тообразные труселя.

Чаго хмурится, утыкаясь подбородком в тощие коленки. За что они все так ненавидят старика? Будто он делает гадости или рассказывает какие-то жуткие или непристойные истории. Почему-то до появления старика никому до него дела не было, а тут все кому не лень стали делать замечания.

В отличие от малыша старик не обращает внимания на злые слова, все придирки переносите завидной невозмутимостью и неизменно добрым взглядом.

– А все потому, что ты сам позволяешь себя обижать! – вдруг вспльчиво заявляет Чаго.

Старик бросает на малыша изумленный взгляд, потом негромко смеется.

– Я не в обиде, – миролюбиво произносит он. – Это лишь реакция на их собственные страхи.

Малыш надувается, предпочитая отвернуться. Старик со всеми говорит прямо и честно. Почему же его не любят?!

Неприятный разговор вскоре забывается. Работа течет своим чередом. Опять солнце припекает кожу. Собирая листья, Чаго обливается потом, переходя от одного куста к другому.

Недалеко проходит охранник, останавливаясь в конце ряда. Чаго следит за ним исподлобья. Грузному охраннику гораздо тяжелее: он расхаживает по такой жаре в сапогах, таская на себе громоздкое оружие.

Небо плавится, поднимая на воздушных потоках одино-

кого хищника. Из джунглей доносится звук сломленной ветки. Громко и тревожно вскрикивает неизвестная птица у кромки леса. Очнувшись от знойной одури, охранник быстро шагает туда, на ходу снимая с плеча автомат.

Чаго поправляет сползающую набок соломенную шляпу и продолжает монотонный труд. Руки сами делают дело, а в голове бродят разные дерзкие мысли. Восторг сменяется сомнениями.

«Может, старик врет? И океан на самом деле не такой прекрасный?» – закрадывается подозрение. Слишком много всякой всячины понарасказывал. Чаго не знает. Он еще долго думает над услышанным, пока работает в поле, собирая кокаиновые листочки.

Вечером, маневрируя с полной тарелкой меж работников, Чаго разыскивает старика.

– Если океан так прекрасен, зачем ты покинул его и пришел сюда? – поспешно спрашивает Чаго, подсаживаясь к нему. В голосе слышится тревога.

Сегодня старик выглядит утомленным больше обычного. Сидя на земле, он сосредоточенно ест. Вместо ложки использует кусок кукурузной лепешки, ловко поддевая им тушеные овощи и отправляя в рот. Затем долго жует. Чаго это обстоятельство смешит. Наполовину разваренные овощи и без того мгновенно тают во рту. Старик делает вид, что не замечает его, поглядывая по сторонам спокойным взглядом, полным отчуждения от забот и хлопотности окружающего мира.

– Стар я и слаб, – наконец откликается старик, – не могу рвать жилы, как прежде... а собирать листья каждый может. Старости никому не избежать, – прибавляет он с сожалением.

– А как ты рвал жилы? – не понимает Чаго, внимательно присматриваясь к его высохшим рукам.

– Как-нибудь потом расскажу, – бормочет старик.

– Потом ты забудешь, – Чаго нетерпеливо дергает за рукав.

Старик глядит на него искоса.

– Ешь. Не то простынет, – сокрушенно вздыхает он, разжевывая последний кусок.

Чаго покорно замолкает. Молча поев, все поднимаются и отправляются в барак на ночевку. Сборщики засыпают под приглушенный шум из строения, по виду напоминающего ангар. Там приступает к работе ночная смена. Через несколько часов результат их стараний аккуратно фасуется и упаковывается под дулами автоматов.

Барак оглашается храпом. Один Чаго, закинув руки за голову, таращится в темноту. Мысли гонятся за мечтой! Чаго верит: он непременно придет – тот день, когда он увидит океан. А потом все оттенки океана смотрят на него из снов. Сны малыша тают, желание остается.

На следующий день погода гнусная. Обложной дождь виснет непроходимой серостью меж холмами, накрывая плантацию коки целиком. Но людей все же гонят на сбор ли-

стве. Густота теплого тумана забирается в легкие липким удушьем. Стопроцентная влажность. Вымокнув и продрогнув, работники после обеда отсиживаются в бараке. На улице никого.

Чаго и пес меряют лужи: Чаго прыгает босиком в самые большие и глубокие, пес внимательно наблюдает за брызгами. Оба грязные и счастливые. Безразличные лица следят за ними из глубины барака. Один старик улыбается.

Вечером дождь прекращается. Кто-то приносит бутылку рома. Мужчины заметно оживляются, собираясь в круг подле костра. Повеселевшие лица разных оттенков коричневого озаряются всполохами огня. Что такое одна бутылка на пятнадцать человек? Ром смешивается с соком, дабы растянуть удовольствие.

Старик тоже выходит посидеть со всеми. Ему не наливают, да он и не просит.

В тропической ночи слышится короткая автоматная очередь. Разговоры обрываются на полуслове. Все поднимают головы, напряженно вслушиваясь. Стреляют за складами. Выстрелы не повторяются. Безмятежность ночи снова накапывает со всех сторон с мелодичным стрекотом насекомых.

– Все в порядке. Охрана развлекается, – замечает старший, – наверное, по обезьянам.

Чаго не спится. Покидая барак, он бродит по территории. Упорно выискивая способ сбежать, нетерпеливо поглядывает, как груженная машина скрывается за ограждением.

Бывают дни, когда ему начинает казаться невозможным убежать отсюда. Но Чаго упорный. Он отбрасывает сомнения и верит. Там, на его берегах, все намного лучше: и люди, и жизнь не похожи на те, что здесь на плантации. И Чаго продолжает сборы. Под его матрасом скапливается достаточно провизии.

– Чаго!

Малыш вздрагивает и оборачивается, услышав собственное имя. Это старик подошел совсем близко, а он и не заметил.

– Давно за тобой наблюдаю. Говори, не бойся, что задумал, я не выдам.

Подняв чумазое личико, малыш напряженно смотрит на старика. Но время сомнений проходит. В душе плещется далекий океан. Он съедает его мысли.

– Я хочу уйти отсюда, – твердо заявляет Чаго.

– Куда же? – спокойно интересуется старик, не выказывая удивления, словно речь идет о совершенно обыденных вещах.

– К океану, – признается Чаго.

Старик пару секунд напряженно всматривается в его глаза. Морщинистое лицо разглаживается.

– Ступай, – ласково отвечает он.

Чаго смотрит с сомнением.

– Но как?! – пожимает он плечами, напоминая жестом про забор и охрану.

Старик склоняется над Чаго. На увядшем лице вспыхивает озарение. Кажется, в нем просыпается нечто такое, чего он сам уже давно не испытывал.

– Я помогу тебе сбежать! – решительно шепчет он.

– Когда?! – сверкает глазами Чаго.

– Прямо сейчас!

Чаго ушам своим не верит.

– Я припас еды... сейчас сбегаю и вернусь! – загорается он.

– Даже не думай! – охлаждает его пыл старик. – Ты все дело провалишь. Бежать необходимо прямо сейчас.

Чаго смущается.

– Пошли, – говорит старик каким-то странным тоном.

Вдвоем они устремляются вдоль границы участка. В одном месте старик останавливается и неожиданно опускается перед изгородью на колени, ненадолго осторожно раздвигая руками кусты. Чаго успевает заметить небольшой подкоп. Он слишком мал, чтобы взрослый человек сумел протиснуться под колючей проволокой, но для худенького тельца малыша вполне подходит. Старик не рыл его, лишь заприметил. Старый пес с обломанными усами постарался.

Поднимаясь, старик копается в карманах неопрятного балахона и протягивает замусоленные бумажки.

– Это мне? – удивляется малыш, разглядывая деньги.

– Возьми, пригодится, – говорит старик, оглядываясь по сторонам, – сейчас я отвлеку охрану. Ты меня услышишь и

пролезешь вот здесь. Дальше до леса только ползком, слышишь? Медленно-медленно ползком, а не бегом!

– Хорошо, – согласно кивает Чаго. Широко раскрыв глаза, он взволнованно слушает. Маленькое сердечко бешено колотится в груди.

– Там вглубь не ходи, – продолжает напутствовать старик, – возьмешь вправо и выйдешь на дорогу с плантации. Где у тебя правая рука?

– Не знаю, – огорошенно признается Чаго.

– Вот эта, – невозмутимо указывает старик. – Так вот, все время иди по этой дороге и никуда не сворачивай, пока не окажешься на дороге побольше. Там будет много машин. Опять свернешь направо. Пешком до океана не дойти. Попроси тебя подвезти, но сам не рассказывай, кто ты и, главное, откуда. Говори, что едешь к дальним родственникам. Если все пойдет хорошо и с тобой по пути ничего не случится – ты увидишь океан.

– О! – выдыхает Чаго, одновременно обрадованный и озадаченный услышанным.

Посмотрев на малыша чересчур пронзительным взором, быстро и бесшумно старик уходит по направлению к центральному посту охраны.

Чаго прячется в высокой траве у забора и ждет. Вскоре до него доносятся странные вопли. Это старик изображает не то пьяного, не то блаженного. Как сумасшедший, он машет руками и орет, передвигаясь на манер покаленной птицы.

– Вот мерзавец! Надрался. Смотри, что «исполняет»! – говорит один охранник другому. Покинув контрольно-пропускной пост, оснащенный камерами по всему периметру, они грубо ругаются на старика, не стараясь унять. Но добродушие их быстро меняется, стоит старику направиться к проходной, делая вид, что намеревается открыть ворота.

– Назад! – командует один из охранников. Резко отрывая старика от прутьев ворот, охранник разворачивает и толкает его по направлению к барaku, откуда начинают выбегать потревоженные работники, пытаясь выяснить, что происходит.

Потеряв интерес, второй охранник направляется на пост. Заметив его действия и громче выкрикивая слова, старик подбегает к машине, пытаясь залезть в кузов, где уже стоят ящики ценного груза.

– Стой, стрелять буду! – разносится над спящей плантацией.

Следом раздается автоматная очередь. Повиснув на борту машины, хрипло вскрикивая, старик сильно отклоняется назад и замертво падает навзничь.

Тем временем, оцарапав камнями живот, Чаго юркает в подкоп, протискиваясь в дырку под ограждением. Дрожа от возбуждения и страха, малыш ползет прочь от плантации, постоянно путаясь и заплетаясь в растениях. Мокрый и грязный, тяжело дыша, он облизывает губы, упрямо пробивается к лесу.

Автоматная очередь заставляет вздрогнуть и замереть,

прильнуть плотнее к земле. Понимая, что стреляют не по нему, Чаго тревожится нехорошими мыслями. Воплей старика теперь не слышно. Нижняя губа малыша начинает дрожать, а сердце мучительно сжимается.

«Хоть бы стреляли в воздух!» – шепчет себе под нос Чаго, возобновляя движение к лесу.

За спиной шумно. К проходной сбегаются охранники. Включаются дополнительные прожектора. Резкий свет прощупывает внутреннюю территорию. А неподалеку в траве у кромки леса продолжают колыхаться травы. В общей сумятице отсутствия ребенка не замечают. Никто не догадывается о побеге. Все обсуждают выходку старика, собравшись у трупя.

Чаго ползет, едва сдерживаясь, чтобы не вскочить и не побежать. Из-за облаков выходит круглая луна. Окрестности озаряются бледным свечением. А вдруг его заметят с вышки? При мысли, что его поймают, малыш покрывается гусиной кожей и потеет. Не хочет он назад! Щупленький, Чаго дрожит от пережитого страха и собственной отваги, вползая в лес. Поднимаясь и оправляя линялые шортики, забыв обо всем, он торжественно улыбается, потом вдруг бросается бежать, петляя между деревьями.

Легко отыскав дорогу, он устремляется прочь от плантации, то радуясь свободе, то печалась и гадая о судьбе старика. Гористая лесная местность сменяется полями. Как и обещал старик, Чаго попадает на оживленную трассу. Понача-

ду, не чувствуя себя в безопасности, он то и дело прыгает в придорожные заросли, едва услышит за спиной шум транспорта. Вскоре привыкает, немного успокаивается и перестает скрываться.

К полудню Чаго выбивается из сил. Спотыкаясь от усталости, он ни разу не останавливается, чтобы передохнуть. Время от времени безуспешно поднимает руку, прося проезжающих его подвезти. Машины проносятся мимо на большой скорости, обдавая малыша волной пыли и горячего воздуха.

Дорога приводит его к автозаправке, где Чаго натывается на водителя старенького самосвала. Забыв про жажду, голод и усталость, малыш умоляет довезти его до океана, протягивая все деньги, что получил накануне от старика.

Удивленный водитель берет деньги, молча выслушивая Чаго. Многодетный отец, проживший полжизни за рулем и повидавший много несправедливости, он входит в положение.

– Зачем тебе так далеко? – спрашивает он, садясь в машину.

– Позарез надо! – спешит уверить его Чаго, взирая с таким отчаяньем, словно это его единственный и последний шанс.

– Залезай, – слышится в ответ.

Они целую вечность трясутся в пропахшей бензином кабине, прежде чем въезжают в небольшой городок со странным запахом йода и чего-то необыкновенно волнующего. Такой долгой тряской можно укокошить кого угодно! Чаго дур-

НО, СВОДИТ ЖИВОТ, НО ОН МОЛЧИТ.

– Тебе туда, – машет водитель рукой в сторону утопающих  
в зелени светлых домиков.

## Глава 5. Друг детства

Договорились встретиться в «Подстреленной гусине» на улице Восстания. В назначенный час утробное рычание Бывалого возвещает о прибытии Ника. Санёк приехал первым и наблюдает появление байкера из окна, затем вскакивает с места и торопится навстречу.

– Ну, здравствуй, дружище! – весело смеется мужчина средних лет в безупречном суконном костюме молочного цвета, бледно-розовой рубашке с золотыми запонками и претенциозном шелковом галстуке. Эдакий офисный мажор родом из лета.

– Здравствуй, Санёк! – улыбается в ответ Ник, крепко сжимая протянутую руку.

Они молча изучают друг друга. Когда им было лет по девять, они точно не знали, кем станут, когда вырастут. Но оба были полны невероятных желаний и мечтаний, самых смелых и необузданных. Все вокруг им ужасно нравилось, особенно колхозная техника. Друзья хотели вместе все попробовать. Но так вышло, что на протяжении многих лет каждый из них путешествовал по жизни сам. И вот довелось встретиться.

– Ты откуда взялся? – первым заговаривает Ник.

– Да, собственно, из Южной Америки, – заявляет Санёк, сверкая белозубой улыбкой.

– Шутишь? – недоверчиво прищуривается Ник.

– Нисколько! Нам, дипломатам, по статусу шутить не положено, – Санёк стоит и смеется. Среднего роста, круглолицый, светленький, веселый, симпатичный, обаятельный. Он всегда был таким. И сейчас беззаботная улыбка наполняет его сиянием неведомого праздника, позитивный настрой передается собеседнику, влетает в душу, побуждает к озорству.

Ник всматривается в знакомые черты, и воспоминания тревожат память.

Южная Америка – их с отцом мечта, одна на двоих, мечта с рваного календаря в колхозном гараже, где они мальчишками пропадали, крутя гайки стареньких «Уралов», давно списанных и заброшенных.

Южная Америка и Колумбия... Сколько времени они с Саньком провели, слушая рассказы отца о чудесных землях его родины и приветливых людях. А потом мальчишки, сидя на чердаке сарая звездными ночами, планировали исколесить всю Южную Америку на мотоцикле подобно команданте Че Геваре! И вот – у одного из них, похоже, получилось... Нику любопытно.

– Ну, рассказывай! – просит он.

– Э-э-э, обо всем по порядку. Да пошли, сядем уже, – Санёк указывает рукой на столик у окна, где по окуркам в пепельнице и початой бутылке можно догадаться о времени, проведенном в ожидании встречи.

Занимая собой внушительное пространство, Ник усажи-

вається на жалобно скрипящий под тяжестью тела стульчик, снимает перчатки, расстегивает косуху и кое-как протискивает ноги под тесным столиком. Санёк изучает большие кулаки с содранными костяшками, переводит взгляд на неоднократно перебитый нос собеседника, коренастую фигуру, обилие металла и кожи в облачении.

– «Он был байкером. Он был мужественен, свободен и длинноволос...», – с улыбкой цитирует Санёк и добавляет: – Здоровый вымахал, чертяка! Давай, что ль, выпьем за встречу? А то сидим, как сухие листья. Что пьешь?

Ник вспоминает про вчерашний коньяк, слегка морщится и закуривает.

– Водку.

Санёк зовет официантку. Ник смотрит через стекло на улицу. Там Бывалый сторожит его шлем. Поздний закат окрашивает хром мотоцикла бледным багрянцем. Вдоль улицы мигает, просыпается шеренга фонарей. В заведении уютно, тепло. Меж столиков разносят чешское пенное. Пахнет жареным мясом.

– Добрый вечер! Что кушать будете? – спрашивает молодая девушка с приятной улыбкой.

– Водку, – отвечает ей Санёк.

– Две, – поправляет Ник.

– Да, и закусить чего-либо принесите. В тему.

– Одну минуту! – и девушка растворяется в теплом полумраке пивного ресторана.

Санёк располагаетя напротив, аккуратно поправляет стрелки на брюках, машинальным движением проверяет, в порядке ли галстук.

– Не ожидал я, что ты вот так найдешься! – говорит он. – Я ведь работаю в Колумбии, в нашем посольстве... так вот. А тут недавно в базу данных заглянул. Там у нас накладка с прошлогодними отчетами вышла. Ну, неважно. И фамилия знакомая на глаза попалась. Открыл – и на тебе! Смотрю дальше, вроде ты. И год рождения совпадает. И на фото знакомые черты. Обрадовался несказанно! А потом, опа: дата прибытия стоит, а прибытия нет... почему? Не вылетел. Что такое – непонятно! Я думал встретить доброго друга... в общем, задался тогда целью связаться с тобой. Да только сейчас удобный случай сам выдался...

Санёк осекается и стихает. Вроде бы говорить что-то надо, а все не то. Оба вспоминают сейчас детство. У обоих перед глазами проносятся яркие моменты их пацанского счастья. Душа требует выплеснуть это наружу, все скопом, но что-то мешает. Наверное, годы.

Официантка очень кстати ставит перед ними две запотевшие бутылки водки, мясную нарезку, свежееиспеченный ржаной хлеб и разносолы на закуску. Санёк одобрительно потирает руки. Ник тянется за бутылкой, открывает и разливает содержимое по маленьким стопкам.

– Вот и свиделись! – выдыхает Санёк, занюхивая водку теплым хлебом.

Ник молча наливает по новой, изучая друга.

– Ах! Хорошо пошла! – замечает Санёк. – А я в Питере первый раз в жизни оказался. Из-за тебя, можно сказать. Я ведь после школы в Москву подался. К двоюродному дядьке. Тот через знакомых меня в институт пристроил, ну потом много всего случилось. А ты давно здесь обретаешься?

Ник утвердительно кивает. Они выпивают по второй и принимаются уплетать закуску. Санёк машет рукой в сторону окна.

– Красивый город! Холодный и грязный только. И серый. Солнца, солнышка, света и тепла нет! Это угнетает. Особенно нас, изнеженных завсегдатаев жарких южных стран, – смеется он. Санёк много говорит и смеется, сверкает легкомысленным летом далеких земель. На плечах его живет ветер дальних странствий, цветочный, пёстрый, благоухающий, задорный и красочный, похожий на танцы бразильских карнавалов.

Ник сидит и молчаливо слушает. Одни черные глаза горят огнем воспоминаний и еще бог знает, чего неуловимого. Только ветер его темен. Ветер Ника – ночной, резкий и холодный, беспощадный и острый, как лезвие клинка, угрюмый и голодный. Его нужно постоянно кормить.

– Ты чего? – спрашивает Санёк, заглывая дольку лимона. Уж больно странно ему наблюдать, насколько изменился друг детства. Сразу не понять, что он там себе думает.

– Рад тебя видеть! – отвечает Ник.

– И я... рад! – смеется Санёк, хлопая Ника по плечу.

Санёк много ест и болтает без умолку. Радуется встрече. Ник иногда слабо улыбается. Он очень давно не был тем пацаном, но Саньку хотелось думать, что годы не преграда и можно по-прежнему быть тем беззаботным ребенком, коего в нем самом, видимо, осталось намного больше, чем в угрюмом байкере.

– Не забыл еще свой испанский? – усмехается Санёк.

Ник кивком головы дает понять, что не забыл.

– Как ты живешь, Ник? – прямо спрашивает Санёк. Открытый дружеский взгляд светится добродушием. Блики играют на ресницах, коротких и светлых.

– Как хочу, – просто отвечает Ник, – а ты?

– Да, как все: работа, жена, двое детей, ничего выдающегося, – улыбается Санёк. – А ты у нас знаменитость! Я тут слышал, ты отказался от боя и ушел с ринга... – неожиданно осведомляется он, стараясь смотреть мимо Ника в проем между рядами столиков.

Ник прекращает жевать. Взгляд утрачивает теплоту. Он утирает губы и угрюмо смотрит в окно на ночную улицу.

Санёк некоторое время наблюдает за ним, про себя отмечая спокойную уверенность и обстоятельность в характере Ника, а потом заговаривает снова. Голос звучит беззаботно, а глаза выдают настороженность.

– Совершенно случайно узнал, – он перекидывает ногу на ногу и сшибает ударом пальца невидимую пылинку с брюк, –

мое московское начальство, оказывается, подобными вещами балуется. Я приехал, а здесь только разговоров, что о тебе и бразильском чемпионе Саморе. У нас в Колумбии мало-мальски понимающие люди знают, насколько важный человек стоит за Саморой. Ты, видать, и впрямь без шурупа в голове! – хихикает Санёк и быстро приговаривает: – Не обижайся! Я так.

Ник теряет интерес к разговору. От последних событий накатывает усталость. Где-то внутри шевелится и пропадает новая боль. Санёк выжидательно смотрит на друга детства.

– Просто я хотел сказать: круто вот так взять и запросто сорвать о-о-очень большой проект!

Ник молчит. Он умеет громко молчать. Санёк фальшиво смеется.

– Да ладно. Я смотрю, ты все такой же гордый и неуступчивый. Мда! Эх! А предложение было хорошим...

– Знаешь, я в чужие дела не лезу и в свои не зову! – многозначительно откликается Ник. В интонации скрежещет лед. – Вот что: мы или пьем, или я поехал.

– Пьем! – быстренько соглашается Санёк. – Пьем! Пьем! Девушка! Повторите, пожалуйста!

Ник закуривает по новой и потягивается, расправляя плечи. Мышцы ноют. Выпуская дым через ноздри, он лениво смотрит на суетливого словоохотливого друга детства.

Санёк понимает, что наступил на больное место, и старается исправить положение.

– Помнишь нашу месть молодому норовистому трактористу Севке – «Сяв Сявычу»? Всегда гордо гарцевал он на своей «Яве» – одной-единственной на селе. Близко к ней никого не допускал, камнями швырялся. Прицельно, бо-о-о-ольно! Случай отомстить нашелся, когда покосы настали. Ах, какой запах на лугах стоял! До сих пор помню! Пряное разнотравье! – с наслаждением вспоминает Санёк. – Мы с тобой завалили «Яву» свежим сеном. Сяв Сявыч орал, истерил и бегал, как ужаленный, с ног сбился искать мотоцикл... Ха! А мы стояли с довольными рожами, пока мой отец не докурил самокрутку и не снял ремень с брюк. Он, оказывается, наши действия сразу засек...

Ник от этой истории оттаивает заметно. Лицо вновь просветляется. Он охотно кивает в ответ:

– Было дело.

– А помнишь, когда ты впервые сел на байк?

Ник нехотя усмехается, вспоминая себя загорелого, в шортах, закапанных свежим машинным маслом, и на босу ногу. Закусывая губу, он отважно забирается на мотоцикл с люлькой.

– Старый «Урал» деда Валерика.

– Ага! – оживляется Санёк. – Мы еще с тобой поспорили, кто смелее. И без лишних слов ты седлаешь чудо-технику и начинаешь нарезать круги перед магазином, куда отправился завхоз.

– А потом я выкручиваю руль и выезжаю на дорогу.

– И следом, спотыкаясь и роняя покупки, бежит завхоз в тяжелых кирзовых сапогах и фуфайке! Дело-то летом было, а дед Валерик одет по-зимнему. Он все время почему-то мерзнет. Бежать ему тяжело, сапоги не по размеру обуты. Бежит, голосит и матерится на всю деревню!

– Я резко прибавляю газа и едва справляюсь с раскочегаренным мотом!

– А я прячусь у плетня в лопухах и крапиве, – заливается смехом Санёк, – дед Валерик спотыкается и падает. А ты героически уезжаешь в даль.

Ник счастливо улыбается. Смех Санька, звонкий и заразительный, разлетается под сводами заведения.

Ликование его, Ника, мелкого пацана, тогда было столь велико, что не слышал он воплей бежавшего следом колхозного завхоза. Не слышал криков, угроз и махрового трехэтажного мата. Он не хотел останавливаться. Ни за что! С тех пор и катает. Покуда может. Покуда есть деньги на бензин и силы.

– А помнишь твой первый «Днепр»? – продолжает Санёк.

Лицо байкера освещается воспоминанием. В те простые времена не заморачивались на крутизне, понтах, стиле и статусе. Ездили далеко и весело. В первую очередь ценилась выживаемость и надежность техники, а не страна-производитель, цена или «поломанность»<sup>2</sup> выхлопной системы.

---

<sup>2</sup> Поломанность – результат специальных не заводских изменений – кастома или эксклюзивные модели от производителя.

– Сколько же лет прошло? – выдыхает Санёк.

– Много, – откликается Ник.

Кому что... Ник обрел свой мир. Санёк обрел хорошие связи, стал послом и исчез за морями-океанами. Сердце Санька было ненасытным – к показному и расточительному богатству, престижной деятельности, дорогой выпивке, хороше́ньким женщинам и прочим атрибутам высокого социального положения. Сердце Ника звало его в ночь, на одинокую дорогу.

Некоторое время они сидят молча.

– Хочешь, я тебя удивлю? – прерывает молчание Санёк.

– Ну?

– Я, оказывается, неплохое наследство в России имею. В Балашихе. Под Москвой. Прямо сказать – элитарное местечко!

– Чем?

– Участки там дореволюционные. Под дачи давали по двадцать соток. Оттуда дома Москвы видны. Считай, на территории города коттедж с садом и лес вокруг. Продам участок, и на всю жизнь обеспечен! – смеется Санёк.

– А! – неопределенно реагирует Ник.

– Мы там студентами тусили. Ты ведь ничего не знаешь, а я МГИМО окончил! А родители мои давно из города в Балашиху перебрались. Живут припеваючи. В гости зовут. Некогда было. За десять лет первый раз в Россию прилетел. Поехал к ним, посидел несколько часов... Эх! Постарели они.

Садом-огородом занимаются, вечерами – самовар, зимой – интернет. Идиллия старости! А?

– Наверное, – пожимает Ник плечом.

Санёк продолжает:

– Видел бы ты эту обстановку! Время просто остановилось. Советские сервизы, ковры... Кстати, жуткие пылесборники да рассадники всякой страшной живности вроде сапрофитов. Вечером прихлопнул муху, оставил на ковре. А утром, глядь – а мухи-то неееет! – хохочет он. – А ты чем на жизнь зарабатываешь?

– Мотоциклы делаю, – скупно роняет Ник, допивая водку.

– В смысле ремонтируешь?

– И это тоже.

– А-а-а-а! Понятно... хм! Судя по всему, хватает?

Ник молчит.

– Видел, на каком боливаре ты подъехал. Чуть не ослеп отблеска, хромирован по «самое не балуйся». Сколько такой стоит? – интересуется Санёк.

На лице байкера обозначивается смесь разочарования с раздражением. Не терпит он, когда о Бывалом, как о вещи... Разве можно оценивать друга в деньгах? Ник смотрит в окно. Там ждет его Бывалый. Нетерпеливо поблескивает в призрачном освещении фонарей. Манит полным баком.

– На разные модификации цены разные, – нехотя говорит Ник.

– Ну, например?

– Если брать у официальных дилеров классическую модель Harley-Davidson FXDB Street Bob – примерно пятнадцать тысяч евро.

Санёк присвистывает.

– Неслабо! У тебя байк круче, чем автопарк нашего посольства! И вообще, аппарат твой вызывает зависть и восхищение! Ладно, ладно, проехали, – Санёк замечает выражение лица собеседника и смолкает. Ненадолго.

– А я ведь так и не купил себе мотоцикл, – сокрушенно говорит Санёк.

– Что так? – спрашивает Ник.

Санек горько усмехается:

– Все отец виноват... Если до восемнадцати лет к мотоциклам не подпускать, то из личинки человека разовьется гуманитарий. Результат перед тобой!

Ник его не понимает. Зачем оправдывать себя за чужой счет?

– Слушай, Ник, а полетели со мной! – внезапно предлагает Санёк. – Погостишь у меня! Страну посмотришь.

– Что?!

– А что? Это хорошо, я быстро тебя нашел. В Питере на несколько дней. Приехал по делам, надо в Москву вернуться. Скоро обратно в Колумбию. Ведь мы с тобой мечтали о Колумбии!.. Забегая наперед, скажу: скоро я от официальных дел отойду, а пока легко могу тебе перелет по дипломатической линии оформить. Поехали, пока возможность есть!

– Хм! – говорит Ник в ответ. Предложение друга детства хоть и выглядело неожиданным, странным, но было как нельзя кстати... Ник и сам думал о поездке в Колумбию, на родину отца. Выходит, все одно к одному складывается.

– Твое слово? – подает голос Санёк, посматривая на часы.

– Неожиданно, – отвечает Ник.

– Если старые желания совпадают с новыми возможностями – почему нет?

– У меня ни визы, ни загранки.

– Обижаешь! – возмущается Санёк. – Для меня сделают все за один день.

Ник молчит.

– А в Колумбии есть ром. Много рому! – причмокивает языком Санёк и хитро улыбается.

– Подумать надо, – говорит Ник.

– Думай. Не слишком долго только, а то без тебя улечу.

Ник у не очень хочется продолжать разговор. Не в первый раз он откладывает поездку. Желание уйти во тьму становится нестерпимым. Он расплывается и встает.

– Надеюсь, не прощаемся! – говорит Санёк.

– Я позвоню, – бросает Ник, уходя.

– Жду! – кивает ему вслед Санёк.

Ник седлает Бывалого и мчит прочь, за город, под свободное небо. «Что я мог бы сказать отцу, почему за все эти годы не отправился туда?» – думает Ник в пути.

По сути, в жизни нет ничего невозможного. Бери и делай.

Вопрос в том, хватит ли храбрости оставить многое ради одного. Тут можно колебаться довольно долго. Совсем иначе, когда жизнь не оставляет тебе времен.

## Глава 6. Его океан

Спеша на встречу с мечтой, Чаго с любопытством разглядывает прохожих на улицах городка. Неспешно курсируя по улочкам, залитым солнечным светом, люди излучают беззаботность.

«Они другие!» – замечает он, сравнивая веселые беспечные лица жителей побережья с будничными рожами охранников кокаиновой плантации. Чаго завидует всем этим людям. Ведь они давно здесь, могут сколько угодно, хоть каждый день, приходить и любоваться огромными глыбами бушующей стихии.

Воздух здесь подвижен, свеж, пропитан ароматом соли и водорослей. Чаго прибавляет шагу, срывается на бег. Малыш окрылен надеждой. Начинается другая жизнь! Настоящая! С утра до ночи будет он постигать тайны океана, гулять, рыбачить, просто быть в лучшем месте на свете! А дни потекут беззаботно и легко. Вспоминать работу на плантации, где люд вкалывал, коротая ночи за выпивкой, совершенно не хочется. Чаго долго бежит к цели, огибая прохожих, и вдруг...

– Как это?! – тихо восклицает он, застывая в недоумении перед недвижимой полосой воды.

Океан лежит плоской гладью, упираясь в туманный горизонт. Расплывчатый блеклый свет солнца жалко теснится в просветах меж низкими тучами, затягивающими полне-

ба. Серо-черный песок под ногами отдает прохладой и сыростью. Редкие бледные капли ракушечника мерцают кое-где. Они непривычно хрустят под босыми ногами, стоит наступить, вдавливая их в песок.

Чаго потрясен, сбит с толку, огорченно смотрит на тихую, словно неживую, воду. Наворачиваются слезы обиды.

– Где ты?! – расстроено выдыхает Чаго. – Где ты! – кричит он.

– Ты кого зовешь, мальчик? Ты потерялся? – спрашивают отдыхающие.

Он не отвечает. Убегает с людного пляжа к пустынным берегам.

– Проснись! – упрямо просит малыш, усаживаясь на песок.

Но большая вода молчит. Штиль. Солнце скрывается в на-ползающей облачности. В нескольких милях от берега виднеются рыбацкие лодки. Дальше – соленый туман. Большие стаи пеликанов лениво перелетают вдоль побережья, бесшумно скрываясь за мысом.

Не такой представлялась ему их встреча. Он не понимает, не узнаёт океан. По словам старика и в его мечтах все представлялось иным – идеальным, живым, мощным, ярким. Реальность требует нового осмысления.

Устав от неподвижности и продрогнув от обильной сырости, Чаго начинает движение вдоль кромки спящей воды. Окунуться, потрогать океан, испробовать на вкус не хочется.

Чаго слишком расстроен.

Океан дышит едва уловимо. Бесконечный берег нарезается неглубокими бухтами, поросшими пальмами. Над кронами пальм клубится дымка. Кое-где встречается плавняк – выброшенные на берег ветки деревьев и местной растительности. Местное население разбирает древесину на хозяйственные нужды.

Малыш идет довольно долго, не чувствуя времени. Миновав бухты, упирается в непроходимые мангровые заросли. Образуя сплошную стену из причудливых древесных корней, они уходят прямо в океан. Пышные кроны с небольшими овальными листиками буйно зеленеют, поглощая скупой свет уходящего дня.

Чаго оглядывается. Теплая серая масса воды с одной стороны и мокрые джунгли – с другой. Малыш вздыхает и сокрушается. Бродя по местам потрясающей красоты, боится признаться себе, что разочарован. Он решает ждать.

Меж тем смеркается. Ночь ложится мягко и быстро. Малыш решает вернуться назад. Еще издали видно, как городок осветился многочисленными огнями. Ларьки, киоски и магазинчики закрыты. Местные жители давно разошлись по домам. На берегу под травяным навесом работает небольшое кафе, но посетителей почти нет.

К ночи голод становится нестерпимым. Денег, разумеется, и в помине нет, сколько ни выворачивай дырявые кармашки шорт. Чаго думает поклянчить немного еды.

– Кыш отсюда! – перехватив голодный взгляд, владелец кафе сердито машет на него полотенцем.

Потерпев неудачу, малыш обходит заведение с тыла, осторожно направляясь на задворки к мусорным бакам. Из-за одного из баков показался рябой кот. Встречаясь с человеком крайне недружелюбным взглядом, он потрясает задран-ным хвостом, отворачивается и шагает прочь. Кот не все успел подъесть. Чаго перепадает немного пригодных объ-едков. Преодолевая отвращение, малыш заставляет себя их проглотить и возвращается к океану в надежде на перемены, но, устав от неоправданно долгого ожидания, засыпает.

Скрежет лодочного киля о берег вперемешку с лихора-дочным гомоном чаек будит поутру. Чаго подскакивает, шу-рясь по сторонам. Может, он что-то пропустил? Но нет. Вы-шло солнце. Мир заиграл красками. Океан слегка взволно-вался плеском небольших волн и опал.

Чаго горестно вздыхает. Оставляя свое рванье на берегу, входит в теплую воду по пояс. Глаза до боли всматриваются в бескрайне-ленивую гладь. Поглаживая руками поверхность воды, он движется вдоль берега по мелководью без особого энтузиазма. Ему нужны шторм, разъяренная мощь глубин и певучие голоса потерянных душ. А здесь...

Чаго верит: если чего-либо очень, очень, очень, очень за-хотеть – оно будет! Убежденность в своей правоте – силь-нейший стимул. Несколько дней он сидит на берегу и молча смотрит на океан. Он ждет. Напрасно! Океан не хочет ожи-

вать.

Обычно часа в два-три пополудни ждуть становится нестерпимо. Мучает жажда, хочется есть. Горьковато-соленый воздух побережья обостряет восприятие и усиливает голод. Тогда Чаго бредет в город.

Население местечка состоит по большей части из негров и индейцев. Реже встречаются метисы и белые. Три дня в неделю улочки и берег наполняются туристами всех мастей – от местных жителей до вездесущих иностранцев. Колумбийцы ведут себя спокойно, не обращают внимания на других, завтракают или обедают в кафе, нанимают лодки и уплывают любоваться красотами природы. Иностранцы лезут везде где ни попадя, шатаются по всем закоулкам, расспрашивают о здешних местах торговцев и верят каждому слову.

Чаго тоже обходит по несколько раз все дома, магазины и кафе. Выпрашивать бесполезно. Влажное пекло растекается повсюду. Но тень джунглей кишит назойливыми насекомыми и гонит обратно на берег. Когда совсем становится невозможно, приходится погружаться в теплую воду океана. Помогает ненадолго. От сидения на берегу на коже появляется раздражение. Губы обветриваются и трескаются. Соленый воздух проедает ветхую рубашонку. Запах фруктов и свежей выпечки щекочет ноздри. Чаго все еще ждет от океана обещанного стариком чуда.

И опять ничего не происходит. Более того, штиль накрывает океан пасмурной пеленой. Спускается мелкий теплый

дождик. Потускневший прибрежный песок пахнет водорослями. Одинокая чайка качается на поверхности спящей воды.

Подкрепляясь объедками из мусорных баков, Чаго пережидает дождь под сенью больших деревьев. А к ночи, когда непогода стихает, забирается на ночлег в одну из лодок на пристани. Лежа навзничь на гуде сетей, рассматривает звезды. Одна, самая крупная, манит, переливаясь далеким светом. Иногда она приближается. Но стоит моргнуть – и расстояние между ними снова умножается на бесконечность световых лет. Чаго самозабвенно улыбается, взгляд уплывает и растворяется в просторах Космоса. Его мало интересуют отдельные созвездия. Его восхищает Млечный Путь и собственная сопричастность к целой армаде звезд, миллионам светил.

Вспоминается странный рассказ старика с плантации о свете, возникающем из тьмы, о тьме, несущей в себе свет, о темном пламени – не проявленной силе, которая не несет в себе ни добра, ни зла, нейтральна, обитает в межзвездном пространстве и обладает первородной мощью всего, что уже есть и что еще будет.

Чаго совсем не грустит, хотя один в этом большом мире. Малыш закрывает глаза. Быть не может, чтобы старик обманул его. Чаго хочет верить – и верит. На душе снова спокойно и хорошо. Он ждет.

\* \* \*

Следующим утром Чаго открывает глаза, поворачивает голову к океану и стонет. Опять штиль. Откидываясь на груду сетей, малыш лежит, мучительно думая о приходе больших волн. Очень хочется пить. Оказывается, горько-соленая вода океана совсем непригодна для питья. Еще одно разочарование.

Вытряхнув одежду, полную песка, Чаго плетется к ряду пляжных кафешек, барчиков, ларечков и лавчонок. Грубо сколоченные из досок и крытые камышом, они стихийно нагромождаются практически друг на друга вокруг ближайших деревьев.

– Чем вы можете помочь человеку, у которого сильно пересохло в горле? – спрашивает Чаго у продавца, задрав косматую голову.

Удивленный обращением, продавец опускает свой взор туда, где выжидательно топчется малыш. Сначала он хочет прогнать маленького нахала, но потом смягчается.

– На вот, – продавец протягивает Чаго стакан самой дешевой газировки. – Но больше не проси. Не люблю попрошаек!

Чаго спешно пьет.

– Это ты ловко придумал, паренек! – замечает светлый улыбчивый дедок.

Мальчик быстренько допивает воду, разглядывая говорящего. Маленького роста, сухонький, со светлой щетиной и приятной улыбкой на загорелом лице, дедок держит под мышкой непонятный музыкальный инструмент, отдаленно

напоминающий гитару.

– Петь умеешь? – спрашивает он ласковым голосом, с удовольствием отмечая, насколько жалостливо и неподкупно сиротливо выглядит малыш.

Вопрос неожиданный. Чаго неопределенно пожимает плечами и на всякий случай говорит, что умеет. Дедок предлагает работать вдвоем – выступать на улицах. За это он, Чаго, получит много денег, купит себе лимонада и еды всякой.

– Ты поёшь, я играю, деньги поровну, согласен? – улыбается дедок.

– Да, – радуется Чаго. Зарабатывать пением? Как он раньше не догадался сам!

Целый день до вечера они ходят в местах отдыха туристов и выступают. Чаго старается, выводит тоненьким голоском те песенки, которые разучил на плантации, даже пританцовывает, чем вызывает большее умиление среди иностранок.

Когда вечером наступает время поделить заработанное, дедок неожиданно меняется в лице. Ласковость, доброжелательность и мягкость оказываются маской, с помощью которой он днем располагал к себе людей.

– Сегодня ты учился у меня, – заявляет дедок, – за это я оставлю деньги себе. Завтра, если будешь стараться, я поделюсь с тобой.

– Так нечестно! – возмущается Чаго. – Я весь день пел!

– А я тебе купил пирожок и воду. Потратился на тебя, выходит, все честно, – с этими словами дедок разворачивается

и уходит.

Чаго догоняет обидчика и получает пинка, отлетая на еще горячий асфальт.

– Сейчас я сдам тебя полицейским, хулиган! – грозит старый обманщик.

Поднимаясь, Чаго злобно сверкает глазенками. Облизнув пересохшие губы, с укором глядит на обидчика. Тот замахи-вается на него. Чаго отпрыгивает в сторону.

– Эх ты!.. – медленно вздыхает Чаго, смотря старику прямо в лживые холодные глаза. – Когда-нибудь я вырасту и на-бью тебе морду! – заявляет он, готовый пуститься наутек при первых признаках опасности.

– Проваливай отсюда! – угрожающе скрипит дед.

Чаго пятится. Эту сцену наблюдает мужчина в пляжной шляпе и легком дорогом костюме. Он взирает на разборки поверх свежей газеты.

– Не повезло, да? – осведомляется он насмешливо. – Подожди. Вот, возьми.

Мужчина протягивает малышу песету с покровитель-ственным видом. Вздернув голову, Чаго надувает губы, игно-рируя подачку. Его дважды унизили. Как можно медленнее он удаляется за ближайший угол дома, где плачет от обиды.

Жара уступает место приятной прохладе тропической но-чи.

– Шторм! Мне нужен шторм! – шепчет Чаго океану. – Я хочу увидеть тебя... ну, пожалуйста!

На берегу он совсем один. Водный простор мерно колыхается маслянистым зеркалом. Лиловый сироп космоса растворяется в желтоватом сиянии. За спиной спит город. Полная луна белит крыши и стены домов. Чаго долго смотрит в даль океана, засыпая от усталости прямо на песке. И пока малыш спит, поднимается восточный ветер. Сухой и мягкий, теряется он в океанской дымке. К утру ветер меняется. Принося с собой запах рыбы и морской травы, крепко задувает с севера.

Потревоженный брызгами, Чаго просыпается, замирает и настораживается. Поражают новые звуки – шум и гул совсем рядом. «Дыхание океана!» – сообщает малыш, в волнении оборачиваясь к воде. Несколько секунд он медлит, а потом вскакивает, спотыкается и растягивается на мокром песке. Визжа от восторга, Чаго стремглав влетает в пенные гребни, долбящие берег.

Ясный день обещает жару. Горизонт полыхает яркой синевой. Наконец-то океан разгулялся в своей невообразимой мощи! Зеленый, светло-изумрудный вблизи и темно-изумрудный с синевой вдаль, он прекрасен. Над волнами с пронзительными криками выются и пикируют чайки. Огромные валы воды мерно вздымаются и опадают.

Чаго шалит от неожиданной радости. Сначала он бултыкается на волнах, в прибое. Но скоро большой гребень накрывает его с головой, опрокидывает, протаскивает по дну и выбрасывает на мелководье. Чаго не успевает отплеваться,

трет глаза, и тут же снова волна сбивает с ног. Ему хорошо! Он кричит до хрипоты, переворачивается и прыгает в бурлящем прибое. Потом выматывается. Выбравшись на сушу, Чаго только и может, что изумленно смотреть на шторм.

Острый запах йода и соли дурманит. Ветер свистит промеж беснующихся волн. Океан клокочет, пенится, играет солнечными бликами. Куски пены отлетают далеко на песок. Вынося морскую пыль на сушу, ветер попутно слизывает шипящее кружево.

Кажется, Чаго слышит нестройное пение погубленных душ. Мурашки пробегают по телу. Он счастлив! Сейчас он не мог бы сказать, чем покорил его океан – сбывшимися ожиданиями, мощью, красотой волн, богатством оттенков, необъятностью и глубиной пучины или загадочной музыкой воды, – наверное, всем и сразу. С безмерным восторгом он долго смотрит и слушает. Океан умеет преобразжать повседневное, скучное и тусклое.

## Глава 7. Роут 98

Настроение стабильное, то есть хуже некуда. Девушка стоит, прижав лоб к стеклу окна, и смотрит вниз. Потом быстро одевается, стараясь не смотреть вокруг себя, сбегает по ступеням, толкает тяжелую дверь парадной и с облегчением делает шаг в осенний вечер. Поток большого города подхватывает, уносит в холодную дождливую сырость. Она идет долго и никуда не попадает, потому что идет в никуда.

Как жить и что делать? Прошло несколько месяцев, а она продолжает биться о неизбежность последствий собственной трусости.

Ведь все было!.. После того, как она набралась духу и оборвала трехлетнюю связь с циничным Владом, рассталась с никчемной офисной жизнью, уехала в Испанию, на тихое северо-западное побережье, в Байону, она наконец-то встретила там понимание в лице донны Лусии, друга Диего, замечательных талантливых ребят рок-музыкантов и, главное, – свою любовь – немого испанского байкера и рок-музыканта Таро.

Да, она, может быть, наделала много ошибок... Раздразнила Карлоса и разозлила брата Таро. Но жила честно! Сердцем! Да, внезапно она стала между Таро и Карлосом. Но ненароком ведь! И чего она испугалась сильнее – угроз наркобарона, смерти Карлоса или молчания самого любимого?

Тихого ухода Таро последней ночью или его бездействия в аэропорту? А может, самой себя?

Ясно, что Судьба подарила ей второй шанс, а она... Она не справилась. Не хватило духу, силы характера и смелости бороться за любовь. И вот она находится на той самой обочине жизни, на которой так боялась оказаться.

– Поделом! Поделом! – с горечью приговаривает девушка, шагая по Питеру.

Был ли выход из ее ситуации? Есть ли он сейчас? И опять она не может принять решения! Не понимает, как жить дальше. Бродит по городу, шагает, пока сил хватает, забывая обо всем.

К вечеру дождь сменяется редким снегом. Мелкое белое крошево стремительно падает на вымокшие улицы и столь же стремительно тает. Пронзительно-ледяной мрак гуляет по городу вместе с ветром. В такую беспросветную не уютность обычно Бог прибирает бездомных бродяг и больных животных.

Она давно мерзнет. Одежда не успевает высохнуть от утреннего дождя, а другой в наличии не имеется. Возвращаться не тянет. Вернуться – и будет еще хуже! Там ждут ее подсохший позавчерашний батон, старые газетные объявления о вакансиях и ненавистные стены съемной комнаты. К ним прилегают замусоленная общая кухня, ржавая ванная, капающий кран и окрашенный в грязно-синюю маслянистую краску с потолка до пола туалет, какие оставались, наверное,

исключительно в заброшенных психдиспансерах времен перестройки. Она, конечно, не знает, как на самом деле выглядят помещения психоневрологических диспансеров, но сейчас кажется, что именно так.

– Еще благодарить меня будешь! – сказал тогда ей хозяин комнаты, неряшливый питерский алкаш неопределенного возраста – дед Василий. Редкие пепельные волосы, сходящие с пигментированного старостью блестящего лба и свисающие с висков и затылка, немыто лоснились. Замусоленная душегрейка издавала крепкий запах табака, рыбы и ядреного пота, болтаясь на тощем теле. Клетчатые нитяные тапки на грубой резиновой подошве при ходьбе издавали странный стонуще-хлопающий звук.

Пока они стояли в дверях, воздух пропитался удушливым перегаром. Взгляд девушки рассеянно скользнул по комнате, мятому лицу хозяина, его запачканной и залитой майке и остановился на дорожном чемодане.

– Договорились, – кивнула она, отсчитала деньги и протянула ему, стараясь, чтобы их пальцы не соприкоснулись. Василий полез в карман, вынул большой ключ от комнаты с прилипшими к нему крошками табака и обрывками бумаги, сунул его ей и зашаркал к выходу по заваленному вещами темному коридору.

Сегодня, машинально шагая по тротуару, девушка опять не знает, куда себя деть. На плешивом газоне топчется стая сизых голубей. Быстро и прожорливо поглощают птицы

хлебное крошево. Кусочки белого мякиша смешно подлетают вверх и, кувыркаясь в воздухе, падают обратно им на головы. Девушка с минуту наблюдает за кормежкой, а потом, вынув руки из тесных карманов замшевой косухи, бежит без остановки несколько кварталов.

Снег летит в лицо. Все нормальные, по ее мнению, люди укрываются в теплых жилищах. Те, кто не успел, спешат это сделать. Девушка одна бежит навстречу ветру. Прохожие шарахаются. Она уворачивается и мчится дальше. Потом сворачивает, бежит дворами, выбегает на другую улицу и несется, петляя по городу. Иногда переходит на шаг. Потом бежит снова и снова. Направление не интересует, движется наугад. Кафешки, магазины, офисы остаются позади. Наконец она окончательно запыхивается и согревается. Замедляя бег, останавливается передохнуть и восстановить дыхание. Взглядом пробегается вокруг.

И опять! Опять она у этого бара!.. Ведь не хотела же! Не специально, а пришла сюда...

Перед ней на парковке стоит ряд мотоциклов. Девушка невольно любуется стильным сочетанием хрома, кожи и благородной геометрии. А говорят – по такой погоде не катают! Отполированные детали заманчиво поблескивают в свете фонарей. Свежий снег успеваает присыпать зеркала и кожаные сиденья. Он шипит и тает, касаясь разгоряченных частей одного из мотоциклов. Справа освещенный вход с вывеской Route 98 приглашает в компанию владельцев сталь-

ных коней.

Сердце колет и прыгает, просит впустить в него теплоту человеческого общения. «Мне туда! Туда!» – стучит оно бесхитростно.

Девушка стоит как раз напротив двери. Прислушивается. Изнутри доносятся звуки музыки и голоса. Если подумать – никто не звал ее, никого там она не знала. Она нерешительно протягивает руку, берется за ручку двери и... отступает.

– Эй, полегче! – недовольно бурчит Ник, хмурясь. – Смотри, куда прёшь!

Его толкает какой-то мелкий шкет странного вида. Ник быстро осматривает неуклюжего паренька. Кепка, перевязанная банданой, косуха замшевая пидорская, джинсики в обтяжку, армейские уставные берцы – все черное, без цветов и нашивок. Волос не видно. Паренек чего-то завис на входе в байкерский бар и топчется в нерешительности. Однако же сдал назад он неудачно. Ник морщит лоб. Тщедушный парень вздрагивает и оборачивается. Ник видит слегка испуганные покрашенные глаза, замечает длинные ресницы.

– Извините, пожалуйста! – лепечет девушка с нотками раскаяния в голосе.

Оборачиваясь, она вздрагивает от неожиданности. Над ней нависает здоровенный байкер. Есть в нем нечто цепляющее, неоднозначное. С первого взгляда сложно сказать: то ли странный блеск в глазах, то ли скрытая угроза в движениях. Черные глаза смотрят неодобрительно. Выразительные

черты мужского лица молниеносно напоминают об Испании, о Байоне. Загнанное сердце судорожно сжимается. Девушка застывает на месте.

– Так и будем стоять? – любопытствует Ник. Наблюдая робость и смущение, значительно смягчает тон. Он не ожидал так обмануться. Вместо парня – девушка.

Она в замешательстве опускает глаза, шагает в сторону и отворачивается, не решаясь войти. Ник уже переступает порог, но задерживается и оглядывается. Куда только девается его нелюдимость?

– Идешь или как?

Она быстро оборачивается, рассеянно смотрит, кивает и ловит ручку двери. Байкер растворяется в дыме бара. Следом растворяется она. Внутри шумно и накуренно. К стойке бара не протолкнуться. Несмотря на ранний час, пустых столиков осталось не много.

– Колдун, брателло, здрав будь! – низкорослый коренастый парень с подвижным лицом и озорными серо-голубыми глазами замечает Ника первым и спешит навстречу, увлекая к стойке бара. Он уже несколько часов околачивается тут. – Ты сегодня рановато. Пошли выпьем!

– И тебе не хворать, Клоп! Убери лапищи! – бурчит Ник и, легонько отталкивая парня, следует за ним. Попутно здороваясь со знакомыми, он пытается проследить, куда отправится девушка.

Клоп расталкивает посетительниц в конце стойки, с бес-

церемонностью освобождая два места.

– Эй, человек! – шутливо кричит он бармену, взъерошивая русые волосы. – Что можешь предложить мне за два червонца?

– Можешь протереть пыль на стойке, – ухмыляется бармен, здороваясь с Ником.

– А поторговаться? – не унимается Клоп.

– Торг здесь неуместен, – флегматично замечает Скат.

Бармен, он же хозяин заведения, лет сорока пяти, по кличке Скат, сияет, расхаживая вдоль стойки. Высокий, худой и небритый, с небольшим хвостиком волос, перетянутых сзади черной резинкой, он весь пестреет татуировками. Изображения байкерской символики выглядывают из-под черной майки.

– Здорово, Колдун!

– Здорово!

Его крепкое рукопожатие и улыбка во все лицо говорят о многом. Скат молчит, но по всему видно, как трудно ему себя сдерживать. И тут Ник замечает интересное устройство – двигатель мотоцикла с пивными краниками. Идеальное сочетание для тех, кто «в теме»!

– Хах! – восклицает Ник.

– Заценил, а?! Мой пиво-мото-кастом! – ликует Скат, отворачивая краник. Пенная струя с шипением хлещет из движка, наполняя литровую кружку.

Ник выражает восторг и одобрение жестом, что поднима-

ет Скату настроение еще на пару уровней.

– Чей агрегат распотрошили? – интересуется Ник, снимая кошку. После улицы в баре изрядно жарко.

Скат подхватывает куртку и вешает у себя за стойкой, потом любовно проходится тряпочкой по блестящему металлу краников.

– Один знакомый по дешевке подогнал. В гараже у него лет пять провалялся без надобности. А я его уже сам промыл, вычистил и переделал. Долго возился, зато глянь – красотища-то какая!

– Зачетно вышло! – кивает Ник, высматривая детали. – Да только зачем было покупать? Спросил бы у меня.

– Ах, ёп!.. Не догадался, – конфузится Скат.

– Клевая кольчужка! – тычет Клоп пальцем в серую футболку Ника.

– Ветхая, но любимая дрань, – улыбается Скат.

В подтверждение этих слов Ник с довольным видом гладит себя по груди, где красуется изрядно выцветшее, продырявленное, сдобренное каплями моторного масла изображение звездочки от мотоцикла.

– Если я буду шастать в такой, скажут – нищеброд, голь перекатная. А Колдуну все можно! Вот где в жизни справедливость? – ухмыляется Клоп.

– Не вещи красят человека, – тоном учителя младших классов заявляет Скат. – Так ведь, Колдун?

Ник рассеянно кивает, думая о чем-то своем.

– Слушай, у меня передняя подвеска шалит. Посмотришь или занят? – интересуется Скат.

Ник немного удивлен. Со своим мотом Скат обычно справляется сам. Исключение составляют ну разве что совсем серьезные случаи.

– Посмотрю, – соглашается Ник, оглядывая зал.

Скат рад. Кому-кому, а Колдуну отдать в руки свой мот каждый был бы рад. Делая коктейль, он быстро проводит долькой лимона по краю бокала и опускает смазанный край в соль. Белые кристаллы липнут к лимонному соку, призывно поблескивая в мягком свете бара. Скату мастерским движением выливает коктейль в бокал, украшает и передает поджидающему официанту.

– Давно тебя не было, – замечает он, ставя перед Ником пиво. – Все норм?

– Угу, – откликается Ник, цепляя пену на щетину.

Скат – самый близкий друг Ника, если считать, что дружба их выражается в трепе Ската и немногословных замечаниях Ника при встречах здесь, в баре. Никто не знает прошлого Колдуна. Никто не знает и настоящего. Даже Скату неизвестно, где и как Ник проводит время. Иногда его встречают на байкерских благотворительных мероприятиях. Иногда он мелькает на трассе. Иногда проносится слух о новом моте, вышедшем из-под руки мастера.

Колдун может не появляться несколько недель, месяцев, потом неожиданно прийти к Скату на пару часов или засесть

в баре на неделю и опять исчезнуть. За долгие годы Скат уяснил одно: байкер приходит только когда сам этого хочет и исключительно ночью. Его никто не видел раньше при свете дня. О его работах – всегда восторженные отзывы. О нем потихоньку травят байки и уважительно провожают взглядами. Ник по кличке Колдун – ночная легенда его заведения. Скат благодушно посматривает по сторонам и старается не отходить от Ника.

– Вчера к Михе на базу ездил, – возобновляет он разговор, – видел в деле твой крайний шедевр. Чудеса! Ты и впрямь «колдун»!

– Не я, а сварка и болгарка, – спокойно комментирует Ник, сосредоточив взгляд на дне бокала.

– Он еще и скромничает! – улыбается Скат. – Повторить пива или покрепче?

– Пива, – Ник вполоборота разворачивается на стуле, оглядывает столики, замечает за одним из них знакомую незнакомку, пристально смотрит и опять отворачивается. Перед ним уже стоит новый бокал светлого.

– Ну а тебе чего? – спрашивает Скат у Клопа.

– Молочка, пор фавор! – шумит Клоп, наваливаясь корпусом на стойку и кривляясь.

– Изыди! – Скат добродушно отпихивает лицо парня своей пятерней.

Клоп не обижается, изворачивается и усаживается рядом с Ником.

– Ну? – кидает вопрос Скат, попутно разливая выпивку другим.

– Помогу Колдуну, – отвечает Клоп, получает свое пиво и стихает.

Появляется раздраженный байкер по кличке Леший. Он протискивает квадратное тело огромных размеров между высокими стульями и шумно требует водки.

– Прикиньте, на ночь мот во дворе оставил. Бак поцарапали, суки! Сиденье порезали и кофры сняли! – громко жалуется он, здороваясь с остальными. Одна за другой две стопки водки исчезают под чрезмерно густыми неухоженными усами. – Узнаю, кто, возьму арматуру на двадцать пять и развальцую все дыхательно-пихательные места ублюдкам!

– На двадцать пять не бери, – говорит Скат, – тяжелая.

– А может, это малолетки безмозглые? Всех, что ль, ухайдокаешь? – спрашивает один из завсегдатаев бара.

– И что? – вспыхивает Леший, дрожа усами. – На хрен такое делать?

– Сначала разберись! Знаем мы тебя... из-за каждой мелочи готов всех поубивать.

– Мелочи?! – возмущается Леший. – На восстановление до хрена бабла уйдет! И вообще, не в этом дело... Колдун, скажи ему!

– Обидно за изувеченный мот. При любом раскладе техника ни в чем не виновата, – откликается Ник.

– Вот именно! – кивает Леший и заказывает себе пива.

– А может быть, насолил ты кому-либо из соседей? Обидел? – интересуется Скат.

– Обидел – предъяви! – возражает Леший. – Видать, народ у нас ссыкливый пошел.

– Ага! Ты себя в зеркале видел? Кто ж осмелится к тебе с предъявой подойти? У тебя на табло написано: убью без предоплаты, – зубоскальничает Клоп.

– Узнать бы, кто, – вздыхает Леший.

– Царапины, порезанное сиденье... скорей всего, подростки орудовали, – предполагает Ник. – Характерный почерк.

– Если они – найду и накажу! – Леший грозно бьет указательным пальцем по стойке.

– А если дети? – спрашивает кто-то из-за спины.

– Ну... запугаю. Я ж не зверь какой – детей бить, – гнев Лешего немного стихает. – Над моим сыном-инвалидом как-то в школе кучка дебилов попробовала издеваться. Я к учителям, те шарахаются, говорят, разбирайтесь сами. В итоге разобрался, да осадок остался гнилой. Почему детей надо пугать и унижать, чтоб на беззащитных не покушались?

– Очень неправильная тема – бросать мот во дворе, – качает головой Скат.

– Гараж не мог открыть. В замок вода попала, и замерз намертво. Не сбивать же?

– Что теперь делать будешь?

Леший несколько секунд смотрит на собеседника. Щеки гуще краснеют от негодования.

– Что, что! Ремонтировать буду, заberi их снеговая падь! – восклицает он в сердцах и следом вздыхает: – Эх! Нет на селе советской власти или крутых девяностых.

– Все возвращаемся в девяностые! – призывает Клоп.

– Ты там никогда не был, умник, – замечает Скат.

– Был, – возражает Клоп, – я в то время жрал песок из песочницы и отнимал самокаты у девчонок.

– Вот они тебя до сих пор и не любят! – исподтишка улыбается Скат.

– Ах ты, предатель, нашел, куда куснуть! – возмущается Клоп. – Какой ты мне друг после этого?! Короче, с тебя пиво!

– Не лопнешь?

– Свое употребление контролирую, – огрызается Клоп.

Скат хочет ответить Клопу, но вынужден отвлечься на приготовление коктейля. Леший решает полирнуть водочку и отчаливает за столик к знакомым вместе с кружкой пива.

– Думаю делать второй навес для мотов, – Скат отдает официанту очередной заказ, окидывает взглядом посетитель, сидящих напротив, – не нужно ли кому чего, – и снова приближается к Нику: – Хочу расширяться. Парни давно просят.

– Добро! – отпив из бокала, отзывается Ник. – Чем могу?

Скат добродушно отмахивается, но видно, что доволен.

– Да я сам. В конце недели железа куплю. Сварить корсет надо. Ты лучше мот посмотри.

Ник кивает с рассеянным видом.

– Подгоняй, как сможешь. Заодно заберешь у меня уголки. Лежат давно без надобности. Пригодятся для навеса.

– Договорились! – соглашается Скат.

– Милая, не уходи так быстро! – это Клоп пытается задержать свою знакомую. – Я подарю тебе небо в алмазах и бриллиантовый рассвет!

Девушка улыбается и застегивает куртку, скрывая от голодного взгляда Клопа округлую грудь. Клоп смотрит сокрушенно. Полновесная грудь – гордость женщины и погибель мужчины.

– Лучшие друзья девушек не бриллианты, а качалка и хороший с... сон! Ха-ха-ха! – она щелкает парня по носу и, одарив задорной улыбкой, идет к выходу.

– Жааааль! – Клоп шумно вздыхает ей вслед, кисло улыбаясь. Ища, куда бы деть свои руки, он достает телефон, утыкается в экран. Примитивные подкаты не имеют успеха. Набирая СМС и получая ответы, он резко меняется в лице. Еще секунда – и, кажется, он швырнет телефон об стену.

– Ну что, опять? – вяло интересуется Скат, исподтишка наблюдая манипуляции.

– Достало все! – Клоп высовывает язык, пытаясь изобразить отвращение и апатию. – Пойду выброшусь из окна.

– Ага! Давай, только когда будешь прыгать с первого этажа, не угоди в мусорные баки, – предупреждает Скат.

– Я могу себе это позволить! – пафосно отмахивается Клоп и, слезая с высокого стула, шагает в коридор, мелькая

татуировкой на выбритом затылке.

И Скот, и Ник знают, что Клоп пошел в сортир забивать косяк. Скот возвращается к натиранию бокалов. Ник ищет кого-то взглядом. Вокруг все в движении и звуке.

Route 98 кажется девушке отличным местом. Высокий потолок теряется в темноте, оттуда свисают флаги разных байкерских клубов, в том числе и знаменитый флаг Конфедерации – красное полотнище, перечеркнутое по диагонали двумя синими лентами с белыми звездами. Наследие гражданской войны между Севером и Югом в Штатах, демократическими ценностями и консерватизмом. Флаг проигравших войну, но сражавшихся против системы со временем в качестве символа распространился среди байкеров всего мира, демонстрирующих свое следование традициям.

Несмотря на шумное общество, в баре царит своеобразный уют. Свет, разбросанный в пространстве, направлен на конкретные предметы. Это создает в заведении приятную атмосферу. Стены выложены стилизованным кирпичом темно-серого, почти черного цвета и покрыты множеством фотографий. На стойке бара и части примыкающей стены пестрят таблички государственных номеров с мотоциклов. Попадают и иностранные. Арка над небольшой сценой увешана частями от мотоциклов, шлемами и касками. На маленькой сцене гитарист задумчиво наигрывает заезженные рок-баллады.

Повсюду мелькают куртки-косухи, банданы, кожаные жи-

леты. Крепкий мужской дух щекочет женское обоняние и нервы. Куча байкеров притягивает внимание брутальной внешностью, экипировкой и цветами клубов, нашитыми на одежде. Откуда-то снизу поднимается волна приятного беспокойства. Неуверенно лавируя между мужчинами, как маленький катерок в скоплении гигантских айсбергов, девушка осматривается, садится за свободный столик.

Глубокий болезненный вздох. За ним небольшое расслабление. Нервы понемногу успокаиваются. Мышцы перестают дрожать. Пальцам возвращается гибкость, а лицу – прежние краски. Заказ приносят быстро. Она благодарит официанта и теперь медленно вращает стакан с выпивкой. Кусочки льда тают и колышутся в нетронутым алкоголе, легонько постукивая о толстое стекло.

Девушка предается раздумьям. Впитывая в себя атмосферу байкерства, она размышляет о двух единственных ярких моментах в ее теперешней реальности. О музыке и снах. Музыка заполняет пустоту души, пока она пытается прижиться здесь по-новому. Музыка латает многочисленные прорехи души. А сны, яркие сны, неизгладимыми иероглифами проявляются на сердце каждый раз, как она засыпает. Чем угрюмей и серее становится Питер, тем ярче сны она видит.

Длинные пустые песчаные пляжи... дикие и прекрасные... далекие, далекие... и манящая к себе разноцветная гладь океана... и яркое сочное небо, согретое солнцем... и ощущение силы... и она стоит на возвышении, и нет воли

пошевелиться и оторвать взгляд... Она узнает знакомые места.

Девушка вдруг понимает, насколько сильно тоскует по краешку испанской земли на берегу Атлантики. Байона! Байона с ее ласковым океаном, дремлющими чистенькими улочками, душистым цветником донны Лусии... Как богато одарила ее жизнь в этом изумительном городе и как превратно люди истолковывали ее поступки!

Время от времени она посматривает по сторонам, но задумчивый взгляд неизменно возвращается к стакану. Отмечая про себя, насколько хорошо здесь находиться, она невольно прислушивается к разговору двух парней за соседним столиком.

– Да нет, ты будешь смеяться, – говорит молоденький парень своему более взрослому собеседнику, – я ж давно мечтал о чоппере. Торкает меня это дело! И сразу облом! После спортбайка с чопом справиться не могу. Прикинь! Не рулится! Ни тормозить, ни разгоняться неудобно после спорта<sup>3</sup>.

Его товарищ усмехается и заказывает себе еще пива.

– Не гони! Те же два колеса, тот же привод на заднее колесо, тот же гироскопический эффект.

– Ага! – вспыхивает парень. – А то, что у чопперов рама более хлипкая, что мотор ведет себя совсем по-другому и завалить его в повороте можно на гораздо меньший угол, – это, по-твоему, не в счет?

---

<sup>3</sup> Спорт – спортивный мотоцикл (жаргон байкеров).

Толстяк отхлебывает пиво и утирает пену с пышной растительности на лице. Девушка бросает на них быстрый взгляд.

– Есть, конечно, свои нюансы. Обкатаешься, привыкнешь, – лениво говорит толстяк, размеренно половиня кружку.

Они пропускают по пивку, хрустя чипсами. Девушка улавливает знакомый запах крабовых. Молодой парень не может сидеть спокойно. Он то и дело меняет позу и оглядывается по сторонам, вытягивая худую шею.

– Боюсь, что по привычке буду коленку в сторону выстав-лять, – улыбается парень, – и к посадке долго еще привыкать придется.

Сотоварищ его смачно смеется:

– Что? Сидишь, как дурак, с прямой спиной и ветром на-зад заваливает, да? – интересуется толстяк.

Парень утвердительно кивает.

– А руки выше ушей и ноги растопырены, словно тебе ро-жать?

– Ну да! Это и есть обратная сторона брутальности? Дань понтам?

– Привыкнешь, – произносит толстяк, медленно раскури-вая трубку. – Я сам полгода привыкал, переучивался после своего спорта. Помню, на ямках и выбоинах не тормозил, а наоборот, разгонялся. Ох и досталось же моей заднице!

– И я так делаю, – подхватывает парень, – а еще пытаюсь

привстать, что чертовски нереально, подножки не позволяют. Приходится виснуть на руках.

– Уффф! – толстяк с удовольствием затягивается и выпускает дым. – Назад на спорт не тянет?

– Не-а!

Они смеются и жестикулируют, прихлебывая пиво. Глаза блестят, чипсы летят во все стороны. Душа девушки постепенно отогревается. Среда байкеров благотворна. Будто бинтует душевный надлом. Она облегченно вздыхает и устраивается поудобней, откидываясь на спинку стула. Толстяк вынимает трубку изо рта и заговаривает снова:

– Я твой Steed в деле видел. Ты вот что: подойди к Колдуну, вон он сидит. Если сильно повезет и он согласится поговорить, адаптация твоя пойдет быстрее.

– Ты что! – парень откровенно удивлен. – Он же меня пошлет!

– Аты не дрейфь! – усмехается толстяк, вставая и направляясь в туалет.

Парень грызет ноготь, затем поднимается и идет к бару.

На сцене пространные наигрывания прекращаются. Первые аккорды обещают перемены. Девушка вздрагивает, поднимает голову и вся превращается в слух. Кавер-версия Heartbreaker группы Led Zeppelin освежает сигаретный гул заведения. История-усмешка зовет разорвать порочный круг, уйти от страданий. Когда твои чувства используют – гони любовь прочь, ведь это нелюбовь.

Короткие риффы легко и ловко впечатываются в сердце, трогают волной психоделики овердрайва. Разносторонний ломаный бит ударных выстилает убегающий ритм и вдруг стихает. Исчезая под восхитительным соло бас-гитары, он взрывается вновь, вплетаясь в глубину звучания хард-рока.

Волоски на теле встают дыбом. Легкий озноб спешит пробежаться по спине. Девушка жмурится, смежив веки, подобно дремлющей кошке, наблюдает за проникающим в пустоту чувств удовольствием.

Ник оглядывается в ее сторону. Пристальный взгляд ищет простых ответов. Скот следит за другом. А девушка по-прежнему сидит одна и с полным стаканом.

– И вчера было так, – кивает в ее сторону Скот, – уйдет и не прикоснется к заказу.

– Что она этим хочет сказать? – удивляется Ник.

– А хрен поймешь! Хех! Загадочная и непостижимая, как латынь на рецепте врача.

Ник перестает смотреть на девушку. Он вытаскивает из заднего кармана брюк початую пачку сигарет. Достав одну, гладит шершавыми пальцами тонкую обертку.

«Надо менять марку», – равнодушно отмечает он. Помедлив, чиркает не боящейся ветра зажигалкой Zippo и все же закуривает, развлекаясь тем, как дым вихрится в пивном высоком бокале.

Подходят байкеры из одного питерского мотоклуба. На жилетах одинаковые рокеры и эмблемы с цветами. Выис-

кивая в толпе представителей других мотоклубов, они при-  
сматриваются и подходят к бару. По виду слегка напряжены.  
Бросая взгляды, полные вызова, на представителей конкури-  
рующего клуба, байкеры шумно здороваются с Ником и Ска-  
том. Дальше – кто остается, кто разбредается по территории.

Бывает, встреча враждующих клубов в барах и пивных за-  
канчивается мордобоем, отбитыми кишками и сломанными  
ребрами. А иногда достаточно только «обозначиться». Все  
серьезные проблемы решаются уже без свидетелей. Да и в  
Route 98 крепко держат порядок. Каждый раз Скот прибегает  
к весьма действенному средству восстановления дружелю-  
бия: вынимая охотничий карабин, он убедительно направляет  
стволы в точку возмущения с заявлением, что всем жела-  
ющим выяснить отношения за его счет хрен чего здесь об-  
ломится.

Клубные мотобратья здороваются по-особенному: пожи-  
мая руку, приобнимают за плечо. После обмена стандартны-  
ми фразами Ник снова уходит в себя. Нет ему дела до ново-  
стей. Вокруг мир стремительно сужается. Он не знает – то  
ли сигарета горчит, то ли сознание близкой потери чего-то  
важного. Кто-то опять обращает на себя его внимание.

Заметно волнуясь, к Нику приближается молодой парень,  
с запинкой излагая свою проблему. Девушка со своего места,  
насколько это позволяют посетители, с интересом наблюда-  
ет, как парень мнетя, и продолжает грызть ноготь в ожи-  
дании реакции, но, встретившись с Колдуном взглядом, по-

спешно отворачивается к сцене.

Ник выслушивает парня, неопределенно поводит бровью и спокойно отвечает:

– По поводу «не рулится», так все чопы кладутся до подножек или выхлопных с легкостью. Скорее всего, аппарат технически неисправен, проверь амортизаторы, пробей вилку на жесткость пружин и вязкость масла.

Голос его низок и бархатист. Ника приятно слушать, тем более что говорит он мало и в основном по делу. Скот снисходительно наблюдает за парнем. Тот ловит каждое слово.

Ник продолжает:

– А тормоза в большинстве случаев адекватны разгонной динамике. Надо поставить армированные шланги и приличные колодки. То, что «не разгоняется», – если в смысле максималка 180, то, наверное, да. Знаешь, по большому счету, для того, чтобы после спорта кататься на чоппере, надо не только изменить стиль езды, а концептуально поменять отношение к аппарату. Иначе это будет мучением и для тебя, и для мота, – говорит Ник ему напоследок.

Парень, счастливый, с видом постигшего дзэн, спешит к товарищу.

– После спорта на чоппере, наверное, невозможно ездить, если эмбрионная посадка изогнула позвоночник и судорога окончательно свела руки и ноги, – рассуждает Скот, кивая вслед уходящему. Сам он даже смотреть на спортивные мотоциклы не хочет.

Ник не отвечает. Он вдруг явственно осознает, что все время смотрит на одну и ту же фигурку – девушку, одиноко сидящую за столиком.

– Лимит общения на сегодня исчерпан, – констатирует Скат, протирая стойку салфеткой.

Возвращается Клоп с дурацкой улыбкой на лице.

– Ритуальный выброс совершен? – Скат иронично поглядывает в его сторону.

Клоп улыбается еще шире.

– Передумал. Там одна парочка зажимается. Не стал мешать.

– Ну-ну.

Ник почти не слушает их. Из «пиво-мото-кастома» Ска-та по кружкам и бокалам с шумом разливается пиво. На задней стенке бара, подсвеченные красным неоном, громоздятся штабеля бутылей, маня, как лекарство от любых жизненных передраг. Скат с быстротой фокусника берет оттуда вожаденное и делает людям добро. Бар полон. Слышится плеск спиртного, стук льда о прозрачное сверкающее стекло, переливчатый шум шейкера, характерный стук о стойку. По воздуху разносятся крепкие запахи и крепкие маты, шутки, смех женщин, музыка. Хлопает входная дверь, принося и унося потоки людей.

Клубное мелководье шумит и резвится. Солидные байкеры потягивают пивко, обсуждая жизнь. Более молодые пьют все. Усадив подружек себе на колени, активно обсуждают

с друзьями волнующие их темы. Одиноким барышникам, затянутые в не скрывающие прелестей сексапильные наряды, стреляют глазами, высматривая себе компанию. Скамейки «помогают» байкерам пить и травить байки.

На первый взгляд все чертовски демократично. Ножи и кастеты до поры спрятаны под одеждой или за голенищами. Оружие не у всех, но имеется. И неважно, для чего оно пригодится – постоять за себя, за друзей или порезать колбаску, – а быть должно. Постепенно народ раскумаривается и добреет. Смех и напитки набирают двойные обороты.

А там, вдали, за стенами Ника ждет глубина... одинокая, могучая, со своим холодом, мраком, ветром, способностью вмещать в ощущения необъятное и расправлять ему крылья. Ненадолго Ник свыкается с гвалтом. До тех пор, пока желание ехать настойчиво не уводит обратно в ночь.

– С кем «набубениться»? – Клоп поворачивается и предлагает: – Колдун, давай по вискарю?

Ник отмахивается.

– Погнали, комрады! – слышится рядом громкий слегка картавый голос. – Ставлю ящик пива, кто первый до смотровой!

Из-за ближнего столика поднимается высокий поджарый паренек с бегающими глазами и нахальной улыбкой. Его заметно пошатывает. Подгоняя своих друзей, он размахивает руками и громко матерится. Остальные трое парней, пьяные «вхлам», пытаются подняться со своих мест.

– Не стоит тебе гонять сильно «подшофе», парень, – замечает старый байкер, наблюдавший, как перед этим парень мешал водку с пивом.

– Чё ты лыбишься? Отвали! – прикрикивает на него парень. Язык плохо его слушается. Вынимая из штанов ключи, он пихает ногой одного из своих. – Рота, подъем!

– Дело говорю. Я двух сынов схоронил! – хмурится старик.

– А мне пох! – рывкает парень, размахивая кукишем перед лицом старика. – Узрел?

Толпа байкеров разом оборачивается. Сразу несколько затянутых в кожу, бородатых и грубо сколоченных посетителей поднимаются со своих мест. Ник успевает первым.

– Не груби старшим, а то заболеешь, – говорит он. Хватая парня за куртку на груди, он основательно встряхивает его и тащит к выходу. Страшно хочется свернуть шею мелкому уроду.

– Чем? – нагло интересуется парень, пьяно подхихикивая. Он не думает сопротивляться. Губы дергаются, глаза начинают косить. Его немногочисленные друзья поднялись с мест и неуверенно топчутся у столика.

– Переломом челюсти, – отвечает Ник, со всего маху вышвыривая парня за дверь. Тот шмякается с глухим стуком и затихает. Ник с мрачной агрессией провожает взглядом его дружков, внезапно трезвеющих и проскальзывающих мимо.

– Развелось ушлепков! – раздается из толпы.

Перед Ником расступаются. Веселье ненадолго стихает. Завсегдатаи знают историю старого байкера и сочувствуют ему. Ник усаживается на свое место с таким видом, что даже Клоп скисает. Когда Колдун злится, виду него вообще дикий.

– Такие либо умнеют, либо разбиваются нах..., – произносит Скат.

– Такие не умнеют, – скупно бросает Ник. Он все еще хмуро поглядывает по сторонам, сверкая темными глазами. Можно подумать, ему хочется кому-либо еще врезать.

– Племя молодое. Непутевое, – вздыхает старый байкер в серебристую бороду.

Ник смотрит на него. Старик пять лет назад потерял ногу при аварии, а теперь тихо спивается. Сидя в углу за столиком, он безбожно курит, рассказывая немногочисленным друзьям разные байки о том, где и с кем катал да надирался. Оба его сына после шумной попойки на байкерском фестивале вздумали посоревноваться друг с другом на железнодорожных путях. Тот заезд оказался для них последним.

– Ты, верно, помнишь ребят Старого Сильвера? – спрашивает Скат.

Ник кивает и понуро опускает голову.

– Жаль их! – Скат поводит бровями, несколько секунд соображает и, видимо, о чем-то договорившись сам с собой, плескает себе коньяку. – Хорошие ребята уходят быстро. Гибнут почему зря!

Девушка с любопытством наблюдает сцену, потом отво-

рачивается. Колдун напоминает ей Карлоса – холеного испанского красавца модельной внешности и мрачного нрава. Память быстро воскрешает сцены его домогательств, хитрые комбинации, последние откровения, страшные признания и, наконец, его неожиданно жестокою смертью.

«И ты причастна!» – вырезает ножом по сердцу совесть.

«Я ничего не могла поделать!» – отчаянно оправдывается девушка.

«Ты встала между ними...» – раздаётся резонный ответ.

Девушка сникает, тихо ненавидя себя, отчаянно сдерживает слезы. Они все – Таро, его брат Микель и она сама – остались жить. А Карлоса больше нет. И никогда не будет! От живого, пышущего силой, здоровьем человека не осталось следа. Сейчас она снова и снова слышит его голос, видит последний взгляд, чувствует на своей коже его липкую кровь, из глубины прошедшего вьётся удушливый запах гари...

– Привет! Скучаешь? – подвыпивший мужик в черно-красной мотокуртке с размаху бухается напротив.

– Тебя не приглашали, – недовольно замечает девушка.

– Да ладно! Меня зовут Андрей, а тебя?

Вместо ответа девушка нервно крутит в пальцах стакан.

– Чего такая кислая?

Она молча отворачивается от непрошеного собеседника.

– Чё, не нравлюсь? – усмехается тот.

– Слушай, отвали, а? – вымученно-спокойным тоном просит она.

– А ты что сразу грубишь?

Ответа нет. Недовольно бурча, байкер встает и уходит. Девушка с облегчением переводит дыхание. Остается неловкость от собственной грубости.

В баре Скот долго присматривается к Нику. Спросить сейчас либо выждать удобного случая? С Колдуном не пойдешь, какой случай удобный. Гложущий вопрос вертится на языке весь вечер. Наконец он решается.

– Говорят, ты отбоя с каким-то бразильцем отказался?

Ник утвердительно кивает.

– И ушел с ринга? Насовсем? Много слухов крутится вокруг этой новости, – пространно намекает Скот.

Ник продолжительно молчит, а потом вскидывает голову и смотрит Скату прямо в глаза. Во взгляде одновременно злость и тоска, а голос звучит спокойно, даже буднично.

– Хочешь знать причину?

Скот всем своим видом дает понять, что хочет.

– Там деньги стоят дорого, люди – ничего не стоят. Когда тобой начинают торговать, задумываешься, а не вещь ли ты?

Скот понятливо поводит бровью. Вон оно что! Больше вопросов на эту тему Скот не задает. Немногословный друг может просто промолчать в ответ. По поводу боев он никогда ничего не рассказывает. Ник разворачивается на стуле боком к залу, отыскивает худенькую фигурку девушки и устремляет на нее все свое внимание. «Надо ехать», – думает он.

Становится совсем тесно. Посетители чокаются пивом

буквально у девушки над головой. Сигаретный дым повисает над столиками, и в горле начинает першить все сильнее. «Пора уходить», – решает она, встает и, не смотря по сторонам, выходит на улицу.

Останавливается девушка недалеко от входа, всматривается в густой туман, подсвеченный простуженными фонарями. Куда ей теперь? Вернуться в свою гнусную конуру или замерзнуть, шатаясь по улицам? Идти нужно, а ноги словно приросли к земле. Она смотрит вдоль улицы. Питер красив и убог одновременно. Неизлечимо болен сырым небом.

Вздыхая, девушка лезет в карман, достает маленький проигрыватель и начинает распутывать наушники. Левый наушник самым злостным образом спутался с правым. Очень хочется быстрее уйти в мир музыки. Руки торопятся, наушники путаются еще больше.

Почти сразу же следом за девушкой выходит Ник. Он хочет подойти к ней, но замечает на парковке между рядом мотоциклов и стеной бара бесформенный силуэт лежащего мужчины. Ник подходит и осторожно приподнимает тело. В лицо летит запах крепкого перегара и неясное мычание.

– Эй, просыпайся, слышишь, – трясет пьяного Ник.

– Колдун, ты? – откликается байкер.

– Замерзнешь, вставай!

Пьяный реагирует слабо. Кое-как растолкав его, Ник отбирает ключи от мотоцикла, подзывает спящего неподалеку таксиста, называет ему адрес, дает денег и осторожно

укладывает пьяное тело на заднее сиденье. Ненадолго он возвращается в бар и опять появляется на улице, закуривает, подходит ближе и протягивает девушке сигарету.

Она удивленно смотрит на него, неуверенно косится на сигарету и хочет отказаться. Их взгляды снова встречаются, и девушка первой опускает глаза.

«Я не курю», – думает сказать она, но рука осторожно берет предложенное. Пока прикуривает, Ник успевает заметить нежные маленькие пальчики с коротко стриженными ногтями без маникюра. Девушка прячет плеер обратно в карман и смотрит в сторону. Говорить не хочется.

Хмурый, старый, продрогший город тянет из людей силы черной гладью воды. Ночной туман уводит одинокого прохожего в чужое и чуждое теплое человеческой природы. Даже старый ветер не может найти себе приюта.

«Нельзя быть вечно тоскливым и холодным, – размышляет девушка о городе, – может, ты устал сам от себя?»

«Что ты знаешь о тоске?» – шепчет ей в лицо Питер порывом студеного ветра.

«Случилось бы хоть что!» – вздыхает она про себя.

Из клуба выходят двое. Они садятся на не успевшие остыть мотоциклы, синхронно с одного удара заводятся и мчатся прочь.

– Ник, – с дружелюбным видом байкер протягивает ей свою здоровенную руку.

– А я слышала – Колдун, – замечает девушка, машинально

совершая рукопожатие.

– Смотря для кого... – поясняет Ник уклончиво.

Не понимая, что он хочет этим сказать, она вновь погружается в свои мысли. Засунув руку поглубже в карман брюк, не спеша докуривает сигарету. Вспоминаются Диего и его прикольные друзья-растаманы из ночного клуба Карлоса. Кто тогда мог знать, чем кончится ее танец с владельцем клуба?!

Ник заинтригован отсутствующим видом незнакомки. Курит девушка не «взятяг», неумело и безразлично. Стоит рядом, уходить не торопится. Общаться не лезет. Может, ждет кого? Он тоже молчит, даже не пытаюсь искать тему для разговора. Чего с ними разговаривать? Только время терять и головную боль себе зарабатывать. Умничают, щебечут, кокетничают – всё одно. Все женщины для Ника – красивые хищницы, жадные до грубоватого обращения и спонтанного секса. Эта кажется ему иной, непохожей на других, непонятной. Забыв о том, что собирался ехать, он любитесь девушкой, с любопытством изучает новый «объект».

Бывалый насмешливо косится на них со стоянки. Словно подтрунивает. Ник на секунду медлит. Бывалый одобряюще сверкает ему отраженным светом фары.

– Подвезти? – предлагает Ник девушке. – Тебе куда?

– На Моховую, – отвечает она, не оборачиваясь, – по пути?

– Нет. Да какая разница! – говорит Ник. Голос звучит

непривычно мягко, задушевно.

Доверяться людям теперь для девушки стало чем-то болезненным. Но глухое одиночество еще хуже, и она с готовностью отзывается, разворачиваясь к байкеру:

– Если нет разницы – подвези.

Ник всматривается в красивые задумчивые черты. И опять не понимает он этого спокойного, независимого, неженского взгляда.

– Поехали, – предлагает Ник, седлая Бывалого и выправляя для нее подножки.

Она разворачивает кепку козырьком назад, накидывает капюшон, мимолетный взгляд скользит по мотоциклу, и печаль проносится по нежному лицу. Память рисует ей иной «Харлей».

Девушка осторожно садится сзади, и Бывалый отваливает от тротуара, плавно набирая скорость. Едут молча. Мелькают пустота парка, спящие ряды уличных деревьев, бессмертные остовы чугунных фонарей, теплый свет чужих домов, пестрота магазинных витрин.

Ник не гонит, плавно поворачивая, спокойно двигается по улицам. Прислушивается к девушке. Время от времени поглядывает в зеркало заднего вида удостовериться, все ли с ней в порядке. Девушка замечает это и прячется за широкой спиной. Ник ухмыляется. Бывалый, подобно иноходцу высоких кровей, идет гордо, плавно и размеренно. Кругом на перекрестках горит зеленый.

– Ззззю, ззззюююю! – надрывается скутер с коробками пиццы на багажнике, несуразно влезая из переулка в поток.

Ник вполголоса ругается, объезжая его. Табуреточник! Наверное, их ненавидят все – автомобилисты, мотобратья, пешеходы. Скутеристы мешают движению и по причине своего разгильдяйства часто бывают раздавленными.

Они останавливаются перед ее домом. Девушка слезает с мотоцикла, произносит слова благодарности. Бросая многозначительный взгляд вместо ответа, Ник хватает ее за руку повыше запястья, ловко и цепко удерживая подле себя.

– Пока не дашь номер телефона, я ведь не отпущу!

Говорит байкер мягко, но девушка понимает, что так и будет. Настойчивое внимание мужчины откликается в ней физическим страхом. Практически сразу ощущение страха сменяется тайным любопытством. Двое меряются долгими оценивающими взглядами. Грозному обаянию сильного трудно не подчиниться. Она удивленно молчит, а потом диктует свой номер, улыбается одними глазами и скрывается за тяжелой дверью парадной. Ник, довольный, отъезжает.

Теперь его ничто не отвлекает. Он мчит за город. Туда, где горизонт не сутулится в тесном пространстве домоостроя, а вольготно раскидывается, насколько хватает взора. К анархии и безумству Потока. Ник едва сдерживается, чтоб не выжать под двести в Питере.

Горожане давно разъехались. Отдыхают после рабочего дня, чтобы опять с утра пораньше отправиться на работу, за-

бить город пробками, измотать нервы стрессом, а мозги чужими проблемами. У всех проблемы. Каждый должен прогнуться под кого-то сверху. Вообще, если подумать, то рабовладельческий строй никуда не делся. Изменилась форма зависимости массы от единиц власть имущих. Рабы теперь не совсем собственность. Чтобы выжить, они сдают себя в аренду. А наверняка почти каждый мечтает устроить себе достойную жизнь, не продавая время неизбежно убывающей жизни и не кривя душой. Но реальность не всем улыбается. Многие так и живут мечтами. И тело исполняет ежедневный ритуал: работа – сон – работа, пять-шесть раз в неделю, каждый месяц, каждый год... Ник физически чувствует душный уклад социума, спешит прочь. Огни города провожают его лощеным блеском.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.